

ДОБРОТА – СЧАСТЬЮ СЕСТРА

Добру человек у человека учится

Ч. Айтматов

О теме

Академик Лихачев в «Письмах о добром», обращенных к детям, сказал: «В жизни ценнее всего доброта, и при этом доброта умная, целенаправленная. Умная доброта – самое ценное в человеке, самое к нему располагающее и самое, в конечном счете, верное по пути к личному счастью». Убедиться в этом помогает литература. Она показывает, как в результате борьбы мотивов добру открывается сердце ребенка. Для него доброта – это идеал человека. Это обобщенная характеристика положительных устойчивых моральных качеств личности. Добрый человек тот, кто делает добро другим, кто отзывчив и несет в своей душе дружелюбие по отношению к людям, пожелание им благополучия и счастья. Добрым называют и того, кто умеет любить и прощать. Русский философ Иван Ильин говорил: «Кто хоть раз доставил другому радость сердца, тот улучшил тем самым весь мир».

Сегодня, когда озлобленность становится нормой жизни, особенно важно пробудить в детях теплоту чувств по отношению к людям, и прежде всего к близким, живущим рядом. Ожесточенность, какой дети легко поддаются, уравнивает сегодня немодными нравственными истинами литература. А для этого надо обладать воображением и понимать, каково другому, уметь почувствовать, что чувствует другой человек, ставить себя на его место. Особенно важно понимать, чем обусловлено поведение людей. Обсуждая литературные произведения, дети научаются вглядываться в глубины души человека, находить источник возникновения и победы доброты над злыми побуждениями и поступками, проявлять способность откликаться на добрые чувства такими же чувствами. Важно, чтобы в процессе обсуждения литературных произведений дети открывали и поддерживали в человеческих взаимоотношениях объединяющую ценность этих чувств, способных исцелять агрессию и очеловечивать самих себя.

Рекомендуем обсудить:

1. Астафьев В. «Конь с розовой гривой»
2. Железников В. «Голубая Катя»
3. Солоухин В. «Мститель»
4. Драгунский В. «Синий кинжал»
5. Драгунский В. «Друг детства»
6. Внуков Н. «Чудеса»

О рассказе Виктора Астафьева «Конь с розовой гривой»

Ценить доброту, прощать обиды – в нравственных традициях русского народа. Эта философия жизни перешла и в классическую детскую литературу, поставившую на первое место в системе ценностей ребенка уроки доброты. Особенно воспета родительская доброта. Смотря на мир глазами ребенка, писатели показали, что именно эта доброта дает в детстве ощущение счастья. В рассказе «Конь с розовой гривой» Виктор Астафьев воплотил память о всепрощении его деревенской бабушки, с которой он рос, потеряв родителей в раннем детстве. Получить пряник в виде коня с розовой гривой было мечтой мальчика. Чтобы мечта стала явью, бабушка послала внука в лес за земляничкой, которую можно было бы продать в городе и купить долгожданный пряник.

Так бы и было, но, поспорив на «слабо» с мальчишками, с которыми вместе ходили по лесу, он съел землянику. Напихав в туесок травы, он покрыл ее сверху ягодами и в таком виде передал бабушке. Ничего не подозревая, бабушка отнесла ягоды на холод и утром отвезла их на продажу, где обман, конечно, раскрылся. Вернувшись домой, рассерженная бабушка по заслугам отчитала внука за обман. Он сидел, виновато опустив голову, и разглаживал заплату на штанах. Выговорила бабушка. Ушел куда-то дед. Но когда мальчик поднял глаза, он не поверил им: «по столу скакал белый конь с розовой гривой». Урок доброты, преподанный в детстве, оказался весомее горьких упреков бабушки. Вот почему автор не может забыть этого урока, олицетворенного в прянике – коне с розовой гривой. Какое значение этот урок имел для автора? Почему это событие ему кажется очень значительным? Как наши читатели смотрят на это?

Текст рассказа (в сокращении):

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребятишки собираются по землянику, и велела сходить с ними.

– Наберешь туесок. Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

– Конем, баба?

– Конем-конем.

Пряник конем! Это же мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые.

Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник – совсем другое дело. Пряник можно засунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот.

С ребятишками дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник... Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького туюска. Бабушка говаривала: главное, мол, в ягодах – закрыть дно посуды. Вздыхнул я с облегчением и стал собирать ягоды скорее, да и попадалось их больше и больше.

Левонтьевские ребятишки сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшего парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слышали, что старший тут, поблизости, и бояться нам нечего и незачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, послышалась возня.

– Ешь, да? Ешь, да? А домой че? А домой че? – спрашивал старший и давал кому-то пинка после каждого вопроса. Старший брал, брал ягоды, и, видать, обидно ему сделалось. Берет он, старший, ягоды, для дома старается, а те вот жрут ягоды либо вовсе на траве валяются...

После драки у старшова опустились руки. Принялся он собирать просыпанные, давленные ягоды – и в рот их, в рот.

– Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя? Вам можно, а мне, значит, нельзя? – злоеце спрашивал он, пока не съел все, что удалось собрать.

Вскоре братья Левонтьевы как-то незаметно помирились, перестали обзывать и решили сходить в Малой речке побрызгаться.

Мне тоже хотелось побрызгаться, но я не решился уйти, потому как еще не набрал полную посудину.

– Бабушки испугался! Эх, ты!

– Зато мне бабушка пряник конем купит!

– Скажи уж лучше – боишься ее и еще жадный!

– Я?

– Ты!

– Жадный?

– Жадный!

– А хочешь, все ягоды съем? – сказал я это и сразу покаялся: понял, что попался на уду.

– Слабо!

– Мне слабо? – хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. – Мне слабо? – повторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не струсить, не опозориться, решительно потряхнул ягоды в траву: – Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, и ягоды вмиг исчезли. Мне досталось всего несколько малюсеньких ягодок. Жалко ягод, грустно. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на все рукой. Все равно уж теперь! Я мчался вместе с левонтьевскими ребятами к речке и хвастался:

– Я еще у бабушки калач украду!

Ребята поощряли меня: дескать, действуй, и не один калач неси.

– Ладно!

Мы брызгались на речке студеной водой, бродили по ней... Интересно и весело мы провели весь день, и я совсем уж забыл про ягоды. Но настала пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятав ее под деревом.

– Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! Ягоды-то мы съели... Ха-ха! А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, им-то, левонтьевским, «ха-ха», а мне «хо-хо».

Тихо плелся я за левонтьевскими ребятами из лесу.

– Знаешь че? – сказал Санька. – Ты в туес травы натолкай, а сверху ягод – и готово дело!

Я остался. Утихли голоса левонтьевских ребятшек, и мне сделалось жутко. Повздыхал, повздыхал я, чуть было не всплакнул и принялся рвать траву. Нарвал, натолкал в туесок, потом собирал ягод, заложил ими траву, получилась земляника даже с копной.

– Дитячко ты мое! – заприманила бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей свою посудину. – Господь тебе, сиротинке, пособил!.. Уж куплю я тебе пряник, да самый большущий. И пересыпать ягодки твои не стану к своим, а прямо в этом туеске увезу...

Отлегло маленько.

Я думал, сейчас бабушка обнаружит мое мошенничество, даст мне что полагается и уже приготовился к каре за содеянное злодеяние.

Но обошлось. Все обошлось. Бабушка унесла туесок в подвал, еще раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа... «Бабушку надул. Что только будет?» – терзался я ночью. Сон не брал меня, как окончательно запутавшего преступника.

«А что, если разбудить ее и все-все рассказать?»

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание бабушки. Жалко ее будить: устала она, ей рано вставать...

Проснулся я от солнечного луча, пробившегося в мутное окошко кладовой. Я огляделся, и сердце мое радостно подпрыгнуло: на меня был накинут дедушкин старый полушубок. Дедушка приехал ночью! Красота!

На кухне бабушка громко, возмущенно рассказывала:

–...Культурная дамочка, в шляпке. Говорит: «Я у вас эти вот ягодки все куплю». – «Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемышный собирал...».

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог разобрать, что говорила она дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы помереть скорее. Но сделалось жарко, глухо, стало невозможно дышать, и я открылся.

– Своим вечно потакал! – Шумела бабушка, разговаривая с дедом. – Теперь этому! А он уже мошенничает! Че потом из него будет? Вечный арестант будет! Я вот еще левонтьевских в оборот возьму! Это ихняя грамота!

Убрался дед во двор, от греха подальше. Бабушка вышла в сенки, заглянула в кладовку. Я крепко сомкнул веки.

– Не спишь ведь, не спишь! Все вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом бабушкина племянница, спросила, как бабушка сплавала в город. Бабушка сказала, что слава богу, и тут же принялась рассказывать:

– Мой-то малый-то!.. Чего утворил!..

В это утро к нам приходило много людей, и всем бабушка говорила: «А мой-то малый-то!».

Бабушка ходила взад-вперед, пошла корову, выгоняла ее к пастуху, делала разные свои дела и всякий раз, пробегая мимо дверей кладовки, кричала:

– Не спишь ведь, не спишь! Я все вижу!..

В кладовку завернул дедушка и подмигнул: ничего, дескать, не робей! Я заширкал носом.

Дед погладил меня по голове, и так долго копошившиеся слезы хлынули безудержно из моих глаз.

– Ну што ты, што ты! – успокаивал меня дед, обирая большой жесткой рукой слезы с моего лица. – Чего же голодный-то лежишь? Попроси прощения... Ступай, ступай, – легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, я прижал другую к глазам, ступил в избу и завел:

– Я больше... Я больше... Я больше... – И ничего дальше сказать не мог.

– Ладно уж, умойся да садись трескать! – все еще непримиримо, но уже без грозы, без громов, сказала бабушка.

Я покорно умылся. Долго и очень тщательно утирался рушником, то и дело содрогаясь от все еще не прошедших всхлипов, и присел к столу. Дед возился на кухне. Чувствуя его незримую и надежную поддержку, я взял со стола краюху и стал есть всухомятку. Бабушка одним махом плеснула в бокал молока и со стуком поставила посудину передо мной.

– Ишь ведь какой смирененький! Ишь ведь какой тихонький! И молочка не попросит!..

Дед мне подмигнул: терпи. Я и без него знал: боже упаси сейчас перечить бабушке или сделать чего-то не так, не по ее усмотрению. Она должна разрядиться, должна высказать все, что у нее накопилось, душу отвести должна.

Долго бабушка обличала меня и срамила. Я еще раз раскаянно заревел. Она еще раз прикрикнула на меня.

Но вот выговорилась бабушка. Ушел куда-то дед. Я сидел, разглаживал заплатку на штанах, вытягивал из нее нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой...

Я зажмурился и снова открыл глаза. Еще раз зажмурился, еще раз открыл. По скобленому кухонному столу, как по огромной земле с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах скакал белый конь с розовой гривой.

– Бери, бери, чего смотришь? Глядишь, зато еще когда оманешь бабушку...

Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло! А все не могу забыть бабушкиного пряника – того дивного коня с розовой гривой.

Вопросы для обсуждения:

1. Как вы думаете, о чем этот рассказ? Одни считают, что он об обмане, другие полагают, что он о доброте. Чья позиция вам ближе?
2. Какой момент в рассказе вам кажется самым главным? Чем он поразил вас? Что переживали вы в этот момент?
3. Какими вы представляете себе главных героев рассказа: бабушку и ее внука? Расскажите о них. Что они за люди?
4. Отличается ли бабушкин внук от тех левонтьевских ребят, с которыми он пошел собирать землянику? Если отличается, то чем?
5. Почему пряник в виде коня с розовой гривой был такой желанный для автора в детстве?
6. Как жилось этому мальчику?
7. Почему он совершил обман? И как переживал он этот обман?
8. По заслугам ли его отругала бабушка? Справедливые ли были ее упреки?
9. Как вы думаете – любила ли его бабушка, хоть и ругала? Чем вы можете свое мнение подтвердить?
10. Почему событие, отраженное в рассказе, автор не может забыть всю жизнь, в чем его значение?
11. Случалось ли вам в вашей жизни получать уроки доброты? Расскажите об этом.

О рассказе Владимира Железникова «Голубая Катя»

Автору этого рассказа принадлежит известная повесть «Чучело», по которой Роланом Быковым был поставлен фильм. Эта повесть о жестокости в подростковой среде. Одновременно это повесть и о покаянии – не случайно она заканчивается словами: «Прости нас, Ленка». Психологизм, свойственный повести, проявил себя и в рассказе «Голубая Катя». Речь в рассказе идет о взаимоотношениях старшего брата Вадима с младшей сестренкой Катькой. Ее за голубые ленты в волосах незнакомая женщина прозвала «голубая Катя». Брат с сестрой живут в одной комнате, где брат чувствует себя строгим хозяином, запрещающим ей прикасаться к его вещам. Сестренка из любви к брату принимает его условия и беспрекословно выполняет его требование, считая брата высшим авторитетом: самым сильным, самым быстрым,

самым умным среди всех его сверстников. Она гордится братом. Ее игра с Яшей в вопросы и ответы подтверждает эту гордость. Но привычная совместная жизнь внезапно заканчивается. Нарушает ее пришедшая к Вадиму одноклассница Свиридова. Ее приход поставил Вадима в неловкое положение: посреди комнаты стоял горшок Катьки, и как ни старался Вадим спрятать его, ему это не удалось. Мало того, его нога угодила в этот горшок, что вызвало смех, как у гостыи, так и у Катьки. Разозлившись, Вадим вытаскивает сестру из комнаты, сунув ей в руки горшок. Из заступника он в глазах Катьки превратился в предателя. Обидевшись, Катька ушла из дома. И сколько ни искал ее Вадим, найти не смог. Ее привела в дом незнакомая женщина. С этого дня Катька перестала замечать брата, как он ни старался с ней сойтись.

Проводы ее в школу первого сентября пали на долю Вадима. Они шли порознь: он впереди, она сзади. Брат чувствовал свою вину и боялся взять ее за руку, думал, что она оттолкнет его. Но этого не случилось: он почувствовал в своей руке Катькину теплую ладошку. Мир был восстановлен. Спустя много лет, произошедший конфликт оказался автору пустяковым, но он не может его забыть, ибо впервые дал почувствовать, что такое предать любящего его человека. Разрушить добрые отношения легко, восстановить – трудно. О бережном отношении к близким людям и поведем разговор с детьми, опираясь на текст рассказа.

Текст рассказа:

Теперь, когда я вспоминаю об этом, мне все кажется пустяком. Но тогда я здорово переживал и считал себя предателем. Хуже нет, когда ты сам себя считаешь предателем. Но лучше я расскажу все по порядку.

Мы жили с сестрой в одной комнате. Сначала это была моя комната, но когда Катька подросла, ее переселили ко мне. Конечно, мне это не понравилось. Ведь она была младше меня на целых пять лет.

– Только попробуй что-нибудь тронь у меня! – сказал я. – Сразу вылетишь.

– Я не трону, – прошептала Катька. Она стояла на пороге моей комнаты, прижимая к груди куклу.

–Этого еще не хватало! – сказал я. – Здесь не детский сад.

Я думал, Катька начнет меня уговаривать, чтобы я впустил ее с куклой, но она молча убежала.

– Как тебе не стыдно! – сказала мама. – Видишь, она к тебе тянется. Она тебя любит, а ты...

Я недовольно хмыкнул. Я не переносил нежностей.

– Честное слово, Вадик, я ничего не трону. – Катька вернулась уже без куклы. – Честное-пречестное.

– Я тебе не Вадик, – сказал я, – а Вадим.

До этого дня я мало ее замечал, зато теперь стал аккуратно придирается: искал повод, чтобы от нее избавиться.

Но она была тише воды, ниже травы: не таскала моих книг, не трогала тетрадей. Ни разу не прикоснулась к коллекции марок!

Стыдно сказать, но я подглядывал за ней.

Как-то я вернулся из школы раньше обычного, подкрался к дверям нашей комнаты и увидел около моего стола Катьку и ее дружка Яшу. Вот-вот они должны были нарушить мой запрет, вот-вот чья-нибудь рука, Катькина или Яшина, должна была протянуться к моему столу. И я с криком: «А-а-а, попались, голубчики!» – готов был ворваться в комнату.

Но Катька вовремя спохватилась и отвела Яшу в свой угол.

– Ты ничего не трогай, – сказала она строго. – Вадик не разрешает.

– А почему? – удивился Яша.

– Это не твоего ума дело, – ответила Катька. – Лучшие поиграем в кубики.

– В кубики надоело, – сказал Яша.

– Ну, тогда давай в вопросы и ответы.

– Давай, – согласился Яша.

– Кто самый сильный из всех мальчишек? – спросила Катька.

– Вадька, – привычно ответил Яша.

– Сколько раз я тебе говорила, что не Вадька, а Вадим! – возмутилась Катька.

– Ты сама называешь его так, – возразил Яша.

– Так то я. Он мой брат, – ответила Катька и спросила: – А кто быстрее всех бежит в нашем дворе?

– Вадим, – выдавил Яша.

– Когда мы вырастем, то будем вместе путешествовать.

– А где вы будете путешествовать? – спросил Яша.

– Сначала мы поедem в Южную Америку, – сказала Катя. – В эти... в леса, которые называются джунгли.

– Там дикие звери, – сказал Яша.

– Да, – тихо и мечтательно ответила Катька. – Там тигры, леопарды и гремучие змеи. Но мы с Вадимом ничего не будем бояться.

Собственно, эта история началась, когда мы вернулись с дачи. В тот год Катька должна была идти в первый класс, и потому мы вернулись в город раньше обычного. Надо было успеть подготовить ее к школе.

Только мы приехали с дачи и разгрузили вещи и мама тут же впопыхах убежала на работу, как в дверь позвонили. Я открыл и остолбенел. Думал, мама вернулась, а передо мной – Свиридова. Моя одноклассница.

Она раньше никогда не заходила, хотя жила в нашем подъезде.

– Здравствуйте, – сказала Свиридова.

Она здорово изменилась, загорела и выросла.

– Привет, – ответил я.

Мы прошли в комнату, и Свиридова села в кресло, положив ногу на ногу.

– Я видела из окна, как вы приехали, – сказала Свиридова. – И решила зайти к тебе. Никто из наших еще не вернулся.

Тут в комнату вошла Катька, поздоровалась, выразительно прошептала: «Вадик» – и показала глазами. Я посмотрел, и мне стало нехорошо.

В самом центре комнаты стоял Катькин горшок. Я загородил его и подтянул слегка ногой к дивану. А в горшке какие-то драгоценные камни, которые Катька привезла с дачи, и они грохнули.

Свиридова посмотрела на мои ноги, но, по-моему, горшка не увидела.

– Нина, а ты где была? – спросила Катька елейным голосом у Свиридовой. Видно, она решила ее отвлечь.

– В пионерском лагере, – ответила Свиридова. – Жалко, что тебя с нами не было, Вадик.

А я в это время снова двинул горшок к дивану, но не рассчитал: горшок перевернулся, камни рассыпались на пол, а моя нога угодила прямо в горшок.

Свиридова громко рассмеялась, и я тоже начал хохотать и ударил по горшку, как по футбольному мячу. Свиридова совсем закатилась, и Катька тоже начала смеяться. А я на нее разозлился. Ее горшок, а она еще смеется.

– Вот что, горшечница, – сказал я Катьке, – бери свой предмет и выкатывайся.

Катька вся сжалась, но не уходила. Теперь это стыдно вспоминать. А тогда я так разозлился, что схватил этот проклятый горшок, стал совать его Катьке в руки и кричал:

– Возьми, возьми и проваливай!

У Катьки задрожали губы, но она сдержалась, не заплакала, взяла у меня горшок и вышла из комнаты.

Свиридова после этого тут же ушла, и я остался один. Не знаю, сколько я так сидел, но, когда вышел из комнаты, Катьки дома не было. Сначала я решил, что она спряталась, и я позвал ее, притворяясь, что ничего такого особенного не случилось.

– Кать, отзовись, а то влетит!

Никто не ответил. В квартире было тихо. Я вышел на лестничную площадку и снова несколько раз окликнул Катьку. Никакого ответа.

Выбежал во двор и спросил у старушек, которые там сидели, не видели ли они Катьку. Они ответили, что не видели.

Побежал обратно домой, ругая ее на ходу: «Ну, попадись мне только, мелюзга, и я тебе покажу!» Я все еще сам себя обманывал, что ничего особенного не произошло.

Когда я ехал в лифте, то подумал, что сейчас увижу ее около наших дверей. Зажмурил глаза, думаю: открою, когда Катька меня окликнет. Лифт остановился, но Катьки не было.

Походил по комнате, выглянул в окно, покричал ее. «Подумаешь, какая обидчивая, даже пошутить нельзя». Тут мне стало легче: оказывается, я не по злобе на нее кричал, а просто шутил. А она, глупая, не поняла.

Прошел час. Катька не возвращалась. Снова выскочил во двор. Обегал все закоулки, бегал, как загнанная лошадь, не переводя дыхания. Наконец наскочил на Яшу.

– А где Катька? – спросил я.

– Не знаю, – неохотно ответил Яша и как-то странно покрутил головой.

– А чего ты головой крутишь?

– Это от волнения, – сказал Яша.

– От волнения? – От страха у меня ноги задрожали. – Где Катька, я спрашиваю?

– Ушла, – прошептал Яша.

– Куда? – спросил я.

– Обиделась она на тебя, – сказал Яша.

– Подумаешь, какая недотрога! – закричал я. – А когда я ее в коляске катал, она не обижалась? А когда я ее на спине таскал, не обижалась?

– Не знаю, – ответил Яша. – Только она совсем ушла.

– А в какую сторону? – спросил я.

– Не знаю, – неуверенно ответил Яша.

– Яша, – сказал я. – Это не та тайна, которую надо сохранить.

Я боялся, что он не поймет моих слов, но он понял, что я был прав.

– В ту сторону, – ответил Яша, – где магазин «Детский мир».

Я бросился на улицу, но не добежал до ворот, вернулся. Надо было срочно позвонить маме, а мамин телефон на работе был, как назло, занят.

И тут раздался звонок в дверь. Открыл дверь и вижу: стоит моя Катька живехонькая. Ее чужая женщина привела, а я от радости даже «спасибо» ей не сказал.

– Это ваша, такая голубая? – спросила женщина.

У Катьки в косах были голубые ленты, она поэтому и назвала ее голубой.

– Моя, – ответил я. Раньше я никогда не называл Катьку «моей».

– Не твоя, – ответила Катька, – а мамина и папина.

Женщина ушла, а у меня вдруг к горлу подступил комок, и я заревел.

– Дура, – кричал я сквозь слезы, – несчастная дура, дура, дура!

А она взяла свою куклу и стала переодевать. Она стояла ко мне спиной, и я видел ее тоненькую шею и несчастные хвостики-косички и ревел белугой.

С этого дня Катька перестала меня замечать. Я пробовал к ней подлизываться, шутил, спрашивал, бывало:

– А кто самый сильный среди наших мальчишек? – Но она только упрямо поджимала губы и ничего не отвечала.

Утром первого сентября Катьку одели в новую форму. По-моему, она была красавицей. Я улыбнулся ей и подмигнул. Жалкая улыбочка у меня вышла.

В это время мама вдруг сказала:

– Вадик, придется тебе проводить Катю в школу.

Я пробурчал что-то неясное в ответ, дожидаясь, что Катька сейчас же откажется от такого предложения. Но Катька молчала.

Я поднял на нее глаза. Она смотрела на меня строго, по-взрослому, исподлобья, но молчала.

И тогда я небрежной походочкой пошел к выходу, открыл двери и оглянулся.

Катька шла следом. Так мы и вышли во двор: впереди я, позади она.

Банты у нее в косах были невероятных размеров. Ну и пусть их! Я теперь готов простить ей все на свете: и банты, и куклы. Я даже готов был подарить ей свою коллекцию марок.

– Вадик! – крикнула мама из окна. – Возьми Катю за руку.

«Боже мой, – подумал я, – бедная мама, она не знает, что ее милая Катенька одна целых три часа прогуливалась по городу. Хорошо, что мир не без добрых людей, а то неизвестно, сколько бы нам пришлось ее искать».

«Это ваша, такая голубая?» – спросила эта женщина. Голубая Катя. Смешно.

А если я ее сейчас возьму за руку, она, пожалуй, уцупнет меня, а то и укусит.

Я стоял, еще задравши голову кверху, когда почувствовал в своей руке Катькину теплую ладошку.

Вопросы для обсуждения:

1. Что вы можете рассказать о брате Вадиме и его сестренке Катьке? Что это за люди? Любили ли они друг друга? Чем ваше мнение можно подтвердить?

2. О чем свидетельствует игра в вопросы и ответы, в какую любила играть Катька со своим приятелем Яшой? Какие штрихи к портрету Катьки она прибавляет?

3. Почему с приходом одноклассницы Вадиму захотелось от Катьки избавиться? За что он вытолкал ее за дверь? Как вы расцениваете его поведение?

4. Согласны ли вы с мнением Вадима, что ничего особенного не случилось? Почему же в этом случае Катька серьезно обиделась на брата и решила уйти из дома?

5. Какие чувства испытал Вадим, хватившись сестры и не найдя ее нигде? Почему он заревел, когда незнакомая женщина привела Катьку домой?

6. Простила ли Катька брата? Из чего это видно? Какой момент во взаимоотношениях брата и сестры подтвердил, что сердце Катьки смягчилось, и она по-прежнему любит брата?

7. Почему, на ваш взгляд, свой рассказ автор назвал именем младшей сестренки Кати, а не старшего брата Вадима?

8. Как вы думаете, зачем автор рассказал нам о произошедшей в далеком детстве его размолвке с сестрой? Тронула ли эта история вас? Случалось ли нечто подобное в вашей жизни?

9. Если бы вам предложили нарисовать иллюстрацию к этому рассказу, что бы вы нарисовали, и почему именно это?

О рассказе Владимира Солоухина «Мститель»

Во время игры на школьном участке подросток, от имени которого ведется рассказ, получил неожиданно сильный удар между лопаток. Судя по тому, что убежал от него Витька Агафонов, герой понял, что именно тот кинул в него тяжелый ком земли. Не столько от боли, сколько от обиды – «за что же он меня ударил?» – чуть не заплакал потерпевший. В голове зародилась мысль отомстить. План мести созрел: он пригласил Витьку в лес жечь «теплинку», где и хотел обидчику «набить морду». Витька догадался о цели приглашения, но тем не менее охотно согласился. Но пока они шли в лес, пока разжигали «теплинку», пока собирали и жарили грибы, бегали за солью, разговаривали о том о сем, купались в речке, злое чувство покинуло сердце «мстителя». Он увидел, что Витька – хороший парень, и они вернулись в село «как лучшие друзья-приятели». Рассказ интересен движением мысли «мстителя», тем, как совершается постепенный переход от намерения мстить к доброму отношению к Витьке. Сама борьба со злым чувством в себе, с обидой, заслуживает того, чтобы проследить за ней, разделить ее с героем и сделать предметом обсуждения. А главное – понять, почему от принятого доброго решения на душе героя стало легко.

Текст рассказа:

Вместо того чтобы сидеть на скучном уроке по математике, нам выпала удача копать картошку на школьном участке.

Вот почему все мы, и мальчишки и девчонки, дурачились как могли, очутившись вместо унылого класса под чистым сентябрьским небом.

Главное развлечение наше состояло в том, что на гибкий прут мы насаживали тяжелый шарик, слепленный из земли, и, размахнувшись прутом, бросали шарик – кто дальше. Иногда в небо взвивались сразу несколько шариков. Они перегоняли один другого, так что нельзя было уследить, чей шарик забрался выше всех.

Я наклонился, чтобы слепить шарик потяжелее, как вдруг почувствовал сильный удар между лопаток. Мгновенно распрямившись и оглянувшись, я увидел, что по загону убегает от меня Витька Агафонов с толстым прутом в руке. Значит, вместо того чтобы бросать свой комок земли в небо, он подкрался ко мне сзади и ударил меня комком, насаженным на прут.

Многочисленные лучистые солнышки заструились у меня в глазах, а нижняя губа предательски задергалась, так бывало всегда, когда приходилось плакать. Насколько я помню, я никогда не плакал именно от физической боли. Зато легко навертывались слезы на мои глаза от самой маленькой обиды или несправедливости.

И за что он теперь меня ударил? Главное, тайком, подкрался сзади. Ничего плохого я ему не сделал. Наоборот, когда мальчишки не хотели принимать его в круговую лапту, я первый заступился, чтобы приняли.

Ни один человек на загоне не заметил маленького происшествия: по-прежнему все собирали картошку. Небо по-прежнему было голубое, а солнышко красное. Но я уже не видел ни картошки, ни солнца, ни неба. В горле стоял у меня горький комок, на душе было темно от обиды и злости, а в голове зародилась мысль отомстить Витьке, да так, чтобы в другой раз было неповадно.

Вскоре созрел план мести. Через несколько дней, когда все позабудется, я как ни в чем ни бывало позову Витьку в лес жечь теплинку. А там в лесу и набью морду... Просто и хорошо. То-то он испугается один в лесу, когда я ему скажу: «Ну что, попался на узенькой дорожке!». Нет, я сзади бить не буду, я ему дам прямо в нос.

В урочный день и час, на большой перемене, я подошел к Витьке. Затаенное коварство не так-то просто скрывать неопытному мальчишке. Я волновался. Даже в горле стало сухо, отчего голос сделался глухой и вроде бы чей-то чужой. А руки пришлось спрятать в карманы, потому что они вдруг ни с того ни с сего задрожали. Витька посмотрел на меня подозрительно. Его оттопыренные уши, над которыми нависали соломенные волосенки, покраснели.

– Да уж... Я знаю, ты драться начнешь. Отплачивать.

– Что ты, я забыл давно! Просто пожжем теплинку. А то, если хочешь, палки будем обжигать, а потом украсим их. У меня ножичек острый, вчера кузнец наточил...

Между тем положение мое осложнилось. Одно дело – нечаянно заманить в лес и там стукнуть по уху, а другое дело – весь этот разговор. Если бы Витька отнекивался, отказывался, а потом нехотя пошел, было бы куда все проще. А после моих слов он улыбнулся и радостно согласился:

– Ну ладно, тогда пойдем.

«Вот я тебе покажу, “пойдем”!» – подумал я про себя.

Пока шли до горы, я всю дорогу старался вспомнить, как он ни за что ни про что ударил меня промежду лопаток, и как мне было больно, и как мне было обидно, и как я твердо решил ему отплатить. Я так все точно вообразил, что спина опять заболела, как и тогда, и в горле опять остановился горький комок – значит, я накалился и готов к отмщению.

– Смотри, смотри! – закричал Витька, показывая на круглую норку, уходящую в землю. Его глаза горели от возбуждения. – Шмель оттуда вылетел, я сам видел. Давай раскопаем? Может, там меду полно.

«Ну ладно, эту норку мы раскопаем, – решил я, – потом уж я с тобой разделаюсь!».

– Надо вырезать острые лопаточки, а ими и копать землю. Нож-то захватил? Живо два мы вытесали себе по отличной лопаточке и стали рыть. Дерн тут был такой плотный, что мы сломали по одной лопаточке, потом вырезали новые. Однако никакого меда или даже шмелиного гнезда в норке не оказалось.

На опушке леса в траве мы тотчас наткнулись на стаю рыжиков. Крепкие, красные, боровые, росли грибы в зеленой траве. И хоть целый день грело солнце, они все равно были холодные, как лягушки. Поджарить бы на прутике, да жаль, соли нет. Вот бы славно поели!

– Айда за солью! – предложил Витька.

«Айда за солью! – думал я, лелея по-прежнему свой злодейский замысел. – Только не думай, что все так и кончится. Когда сбегает за солью, я тебя обязательно прищучу в лесу, ты от меня не уйдешь».

Мы принесли соль и два куриных яйца.

– Теперь давай ямку копать.

В ямку мы положили яйца, засыпали их землей и на этом месте стали разводить теплинку. От огня земля нагреется, яйца в ней превосходно испекутся.

Сначала мы зажгли небольшую сосновую веточку, пушистую, но высохшую, с красными иголками. Она вспыхнула от одной спички и горела так, словно гореть для нее большая радость. Она даже вроде не горела, а плясала, как девчонка в ярко-красном платьице. (Если вдуматься, Витька этот не такой плохой парень, и в лесу с ним интересно, только вот зачем он тогда меня треснул промежду лопаток? Теперь придется ждать, когда кончим жечь теплинку.)

На горящую сосновую ветку мы стали класть тонкие сухие палочки. Мы их клали сначала колодцем крест-накрест, потом стали класть шалашиком. И теплинка наша разгорелась ровным, сильным огнем.

Тут мы принялись за рыжики. Когда Витька насаживал на прутик свой первый рыжик, мне так и вспомнился тяжелый земляной катыш, которым он тогда он меня огрел, и я подумал, не сейчас ли мне с ним расправиться, но решил, что всегда успеется, и стал насаживать свой рыжик... Мы съели все рыжики, но нам хотелось еще – так они были вкусны и душисты. Пришлось снова идти по грибы.

Когда мы раскапывали яйца, из земли шел пар – настолько они согрелись и пропарились. Мы съели с ними остатки соли. Никогда я не ел яиц, вкуснее этих. Витька всегда что-нибудь придумывает, даром, что у него уши торчат в разные стороны.

Ну что же, вот и теплинка прогорела, сейчас пойдем домой и тут я буду должен... Что бы еще такое придумать, очень не хочется идти домой.

– Бежим на речку, – говорю я Витьке. – Помоемся там, а то вон как перемазались. Водички попьем холодненькой. Бежим?

Мы по колено заходим в светлую текущую воду, которая очень холодна теперь, в конце сентября, наклоняемся над водой и пьем ее большими вкусными глотками. Сквозь воду видно речное дно – камушки, травинки, песочек. Травинки стелются по дну и постоянно шевелятся, как живые.

Ну вот и попили и умылись. Делать больше нечего, надо идти домой. Витька доверчиво идет вперед. Его уши торчат в разные стороны: что стоит развернуться и стукнуть!

Что стоит? А вот попробуй, и окажется, что это очень непросто – ударить человека, который доверчиво идет впереди тебя.

Да и злости я уже не слышу в себе. Так хорошо на душе после этой теплинки, после этой речки! Да и Витька, в сущности, неплохой мальчишка – вечно он что-нибудь придумает.

Ладно! Если он еще раз стукнет меня промежду лопаток, тогда уж я ему не спущу! А теперь – ладно.

Мне делается легко от принятого решения не бить Витьку. И мы заходим в село как лучшие дружки-приятели.

Вопросы к обсуждению:

1. Как случилось, что «дурачество» на школьном участке закончилось для героя чуть ли не слезами? Согласны ли вы с его мнением, что ударивший его Витька Агафонов поступил с ним несправедливо?

2. Как зародилась у мальчика мысль о мщении? Разделяете ли вы ее?

3. Каким образом он решил осуществить свое намерение? Зачем пригласил Витьку в лес разжечь «теплинку»?

4. По дороге в лес крепло или уменьшалось его желание мстить? Почему он откладывал исполнение своей мести, искал для этого более подходящий момент? Какие моменты для мести были, по-вашему, упущены им?

5. Почему герою не хотелось из леса идти домой? Потому что он не успел отомстить или потому что ему с Витькой было хорошо?

6. Когда Витька шел впереди, что стоило герою ударить его? Почему он этого не сделал?

7. Одобряете или осуждаете вы героя, что он не исполнил задуманную месть?

8. Почему рассказ называется «Мститель», ведь мщения в рассказе не произошло?

9. Почему от отказа мстить у героя стало легко на душе? Слабость или силу своего характера показал он, отказавшись от мести?

10. Как бы вы поступили на месте потерпевшего?

О рассказе Виктора Драгунского «Синий кинжал»

В отличие от серьезного рассказа Солоухина рассказ Драгунского – комический, но по мотивировке поведения персонажей очень похожий на «Мстителя». Он тоже о несостоявшемся возмездии Дениски по отношению к своему другу Левки и примирении с ним. Здесь, как и в рассказе Солоухина, побеждает доброта, хотя намерение было самое кровожадное – убить Левку за то, что тот ударил Дениску палом по затылку и ударил так сильно, что «искры полетели из глаз». Злодейское намерение противоречит подготовленному оружию убийства – синему пластмассовому ножу для разрезания бумаги. Само приготовление к мести вызывает улыбку, ибо мы видим, что задуманное – скорее игра фантазии Дениски, чем планируемое реальное мщение. Пока он точил нож и продумывал детали мести, его стала посещать мысль, что, может быть, не так и велико преступление Левки.

Судя по другим рассказам Виктора Драгунского, читатель знает, что Дениска, добрый по натуре человек, что задуманная месть не совершится. Ожидание финала держит интерес читателя. Финал неожиданный – Левка дарит Дениске стреляную охотничью гильзу, из которой тот планирует сделать атомный телескоп... и конфликта как не бывало: Дениска просто забыл, что хотел его убить, даже мысль об этом удивила «мстителя». Радость от подарка оказалась сильнее обиды. Рассказ интересен процессом перехода в душе ребенка от злого чувства к доброму, победой мотивов добра над злом не только у Дениски, но и у Левки, который осознал свою вину перед другом, что видно по его доброму жесту и взгляду.

Текст рассказа:

Это дело было так: у нас был урок труда. Раиса Ивановна сказала, чтобы мы сделали каждый по отрывному календарю, кто как сообразит. Я взял картонку, склеил ее зеленой бумагой, посередине прорезал щелку, к ней прикрепил спичечную коробку, а на коробку положил стопочку белянских листиков, подогнал, подклеил, подровнял и на первом листке написал: «С Первым маем».

Получился очень красивый календарь для маленьких детей. И Раиса Ивановна поставила мне пять.

Она сказала:

– Мне нравится.

И я пошел к себе и сел на место. И в это время Левка Бурин тоже стал сдавать свой календарь, а Раиса Ивановна посмотрела на его работу и говорит:

– Наляпано.

И поставила Левке тройку.

А когда наступила перемена, Левка остался сидеть за партой. У него был довольно-таки невеселый вид. А я в это время как раз промокал кляксу, и когда увидел, что Левка такой грустный, я прямо с промокашкой в руке пошел к Левке. Я хотел его развеселить, потому что мы с ним дружим, и он один раз подарил мне монетку с дыркой. И еще обещал принести мне стреляющую охотничью гильзу, чтобы я из нее сделал атомный телескоп.

Я подошел к Левке и сказал:

– Эх ты, Ляпа!

И сострил ему косые глаза.

И тут Левка ни с того ни с сего как даст мне пеналом по затылку. Вот когда я понял, как искры из глаз летят. Я страшно разозлился на Левку и треснул его изо всех сил промокашкой по шее. Но он, конечно, даже не почувствовал, а схватил свой портфель и пошел домой. А у меня даже слезы капали из глаз – так здорово поддал мне Левка, – капали прямо на промокашку и расплывались по ней, как бесцветные кляксы...

И тогда я решил Левку убить. После школы я целый день сидел дома и готовил оружие. Я взял у папы с письменного стола его синий разрезальный нож из пластмассы и целый день точил его о плиту. Я его упорно точил, терпеливо, он очень медленно затачивался, но я все точил и все думал, как я приду завтра в класс и мой верный синий кинжал блеснет перед Левкой, я занесу его над Левкиной головой, а Левка упадет на колени и будет умолять меня даровать ему жизнь, и я скажу:

– Извинись!

И он скажет:

– Извини!

А я засмеюсь громовым смехом, вот так:

– Ха-ха-ха-ха!

И эхо долго будет повторять в ущельях этот злоеущий хохот. А девочки от страха залезут под парты.

И когда я лег спать, то все ворочался с боку на бок и вздыхал, потому что мне было жалко Левку, хороший он человек, но теперь пусть несет заслуженную кару, раз он стукнул меня пеналом по голове. И синий кинжал лежал у меня под подушкой, и я сжимал его рукоятку и чуть не стонал, так что мама спросила:

– Ты что там кряхтишь?

Я сказал:

– Ничего!

Мама сказала:

– Живот, что ли, болит?

Но я ничего ей не ответил, просто взял и отвернулся к стенке и стал дышать, как будто я давно уже сплю.

Утром я ничего не мог есть. Только выпил две чаши чаю с хлебом и с маслом, с картошкой и сосиской. Потом пошел в школу. Синий кинжал я положил в портфель, с самого верха, чтобы удобно было доставать.

И перед тем как войти в класс, я долго стоял у дверей и не мог войти, так сильно стучало сердце. Но все-таки я себя переборол, толкнул дверь и вошел. В классе все было как всегда, и Левка стоял у окна с Валериком. Я как его увидел, сразу стал расстегивать портфель, чтобы достать кинжал. Но Левка в это время подбежал ко мне. Я подумал, что он опять стукнет меня пеналом или чем-нибудь еще, и стал еще быстрее расстегивать портфель, но Левка вдруг остановился около меня и как-то затоптался на месте, а потом вдруг наклонился ко мне близко-близко и сказал:

– На!

И он протянул мне золотую стреляную гильзу. И глаза у него стали такие, как будто он еще что-то хотел сказать, но стеснялся, а мне вовсе и не нужно было, чтобы он говорил, просто я вдруг совершенно забыл, что хотел его убить, как будто и не собирался никогда, даже удивительно.

Я сказал:

– Хорошая какая гильза.

Взял ее. И пошел на свое место.

Вопросы для обсуждения:

1. На ваш взгляд, этот рассказ серьезный или смешной? Докажите это.
2. Давайте разберемся в произошедшем: из-за чего произошла ссора Дениски и Левки?
3. Как объяснить, что намерение Дениски развеселить Левку, получившего тройку на уроке труда, закончилось ссорой?
4. Достаточно ли серьезная эта ссора, чтобы явиться причиной совершения кровавого возмездия?
5. Был ли удар Левки пеналом по затылку Дениски спровоцирован Дениской, или как тот думал, что Левка ударил его «ни с того ни с сего»?
6. Поверили ли вы в серьезность намерений Дениски убить Левку? Если не поверили, то почему?
7. Почему так сильно билось сердце Дениски перед дверью в класс?
8. Благодаря чему или кому произошло мирное разрешение конфликта? Остались ли друзьями Дениска и Левка? Как, по-вашему, будут складываться их дальнейшие отношения?
9. Расскажите, как происходят разрешения ваших конфликтов с приятелями? Что побеждает в них: добро или зло?

О рассказе Виктора Драгунского «Друг детства»

Этот рассказ отличается своим лиризмом. Плюшевый медвежонок, которого предполагалось использовать в качестве боксерской груши для тренировки силы удара Дениски, вызвал у него светлые воспоминания раннего детства. Он всей душой любил своего мишку когда-то, что готов был жизнь отдать за него. Эти воспоминания и остановили Дениску, явились причиной отказа его от задуманного. Наполненные добрыми чувствами, эти воспоминания блокировали намерение не только использовать друга детства в качестве спортивной груши, но и вообще отказаться от мечты стать боксером. Эта мечта была у Дениски связана с замыслом «побивать всех во дворе». Плюшевая игрушка пробудила в нем добрые чувства, которые вступили в противоречие со злой мыслью. Использовать друга детства для тренировки силы удара было равносильно предательству. Как произошел

поворот в сознании мальчика к добрым чувствам – вот кульминация рассказа. На ней и предлагается сосредоточить внимание участников обсуждения. Задача обсуждения – вызвать у читателей сопереживание с состоянием Дениски, а вместе с этим и симпатию к растущему человеку, способному на глубокие чувства.

Текст рассказа:

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтобы не спать по ночам и наблюдать в телескоп далекие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далекий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или в начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

– Го-о-тов!

Или у меня загорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчавшихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе, как дым, вот и все дело.

Когда я это все подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксером, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга – просто ужас какой-то. А потом показывали их тренировку, и тут они колотили уже тяжелую кожаную «грушу» – такой продолговатый тяжелый мяч, по нему надо бить изо

всех сил, чтобы развивать в себе силу удара. И я так наглядился на все это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать в случае чего.

Я сказал папе:

– Папа, купи мне грушу!

– Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

– Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксерскую грушу!

– А тебе зачем? – сказал папа.

– Тренироваться, – сказал я. – Потому что я буду боксером и буду всех побивать. Купи, а?

– Сколько же стоит такая груша? – поинтересовался папа.

– Пустяки какие-нибудь, – сказал я. – Рублей десять или пятьдесят.

– Ты спятил, братец, – сказал папа. – Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошел на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

– Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетеную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос. И осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колес и на веревочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлапкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много еще разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

– Вот. Это тот самый, что тебе тетя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Еще лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут ее позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный – желтый, стеклянный, а другой большой, белый – из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было неважно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдается...

И вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его с собой, и нянчал его, и сажал его на стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеется разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

– Ты что, – сказала мама, она уже вернулась из коридора. – Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слезы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

– Ты о чем, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксером.

Вопросы к обсуждению:

1. Почему Дениска решил, что будет боксером? Почему из многих профессий, о каких Дениска мечтал, он выбрал в конце концов – эту? Зачем ему понадобилось развивать силу удара?

2. Поддерживаете ли вы его намерение стать сильным и побивать всех во дворе?

3. Почему папа не принял всерьез Денискину просьбу купить спортивную грушу?

4. Как отреагировал Дениска на мамину идею заменить грушу плюшевым медвежонком и на нем тренировать руку?

5. Почему придумка мамы, которую Дениска принял сначала охотно, постепенно стала казаться ему невозможной для исполнения? Почему она вместо радости вызвала у него слезы? Поддерживаете ли вы его отказ от использования плюшевого мишки в качестве боксерской груши?

6. Как повлияли на Дениску его воспоминания о дружбе с медвежонком в раннем детстве? Испытывали ли вы нечто подобное по отношению к своим детским игрушкам?

7. Почему он не захотел открыть маме причину своих слез?

8. Что послужило причиной отказа Дениски стать боксером?

9. Доброе ли сердце у Дениски? Что вы о нем как о личности можете сказать? Одобрите ли вы его отказ от своей мечты?

10. А кем, по-вашему, стал Дениска, когда повзрослел? Поделитесь вашими предположениями, учитывая, что рассказ «Друг детства» написан автором от своего имени?

О рассказе Николая Внукова «Чудеса»

Доброта нужна всем, но особенно тем, кто лишен ее с детства. Таков герой рассказа Внукова второклассник Борька. В воскресный день в грязной куртке и разорванных ботинках он сидит на скамейке в саду да поглядывает то на отдыхающих, то на Лебяжью Канавку, где затонул игрушечный пароходик. И кажется Борьке, что вместе с пароходиком утонули и маленькие человечки или прячутся где-то среди ромашек. Дома Борьке быть нельзя, там пьяный отец кидает в мать ботинками. Нет у него надежды, что сегодняшнее воскресенье не будет тянуться так же долго, как и предыдущее. А как бы хотелось подарить велосипед хромой девочке или просто купить стакан газированной воды. Но это можно только в мечтах, а на деле остается Борьке слоняться по саду и ждать, когда отец заснет.

И можно ли было поверить, когда старик, сидящий рядом с Борькой, вдруг произнес: «Сегодня день чудес» и уточнил: «Чудеса кругом. Только люди отвыкли и не замечают. Оно для души, а не для глаз». И Борьке открылось, что настоящее чудо – это искусство, которым

одаривают людей. Ведь старик, ныне пенсионер, был когда-то актером. Его называли именами разных книг и даже королем Лиром. И сидя рядом с Борькой, старик открывал ему чудо, которое сидит внутри каждого, и оно вечно. Борька восхищен стариком, который угостил его газированной водой и подарил ему книгу с длинным черным человеком на обложке – самую волшебную из всех волшебных, с которой Борька вернулся домой. В книге он прочел надпись, «Будь счастлив, малыш. А. Терлецкий». Книга эта называлась «Дон Кихот». И сам старик Терлецкий стал казаться Борьке чем-то похожим на того, кто был нарисован на обложке книги. Обсуждение рассказа – это разговор о главном чуде света – Щедрости человеческого сердца.

Текст рассказа:

... На любимой Борькиной скамейке в Летнем саду, там, где стоят черные чугунные вазы с цветами, сидел старик с палкой. На ногах у старика были надеты тяжелые суконные боты, а шея обмотана серым шерстяным шарфом. День жаркий, а у него боты и шарф. Станный старик.

Борька сел на другой конец скамейки и стал смотреть в Лебяжью Канавку. Она мелкая, сквозь воду видны камни на дне и затонувший пластмассовый пароход, красный с белой палубой. Наверное, невидимые человечки, которые плыли на нем, утонули, а может быть, спаслись и прячутся на том берегу среди травы и маленьких белых ромашек.

Старик на скамейке зашевелился и стукнул палкой. Борька вздрогнул и посмотрел на него.

– Мальчик, – сказал старик, – сегодня особенный день.

– Почему? – спросил Борька.

– Сегодня день чудес.

– Неправда, – сказал Борька, – чудес не бывает.

– Ты ошибаешься, мальчик! – Старик встал и оперся о палку. – Чудеса кругом. Только люди отвыкли и не замечают.

– Я тоже не замечал, – сказал Борька.

– Ты еще мал. Ты еще не умеешь смотреть, – сказал старик. – Волшебников, волшебниц в мире много, они среди нас, но мы не видим их! И вещи, которые делают люди, мальчик, – он обвел палкой кругом, – тоже волшебные.

– Чепуха, – сказал Борька. – Нет на свете волшебников.

– Есть, – сказал старик.

– А вы... волшебник?

– Я на пенсии, – сказал старик. – Но когда-то я тоже умел делать чудеса. Я умел быть разными людьми, малыши. Мне приходилось быть и героем, и злодеем, и очень несчастным человеком. Я много раз умирал. Меня называли именами героев разных книг. А один раз я был даже королем, мальчик. Королем Лиром!

Борьке стало немного страшно. Старик говорил так, как не умел говорить никто из соседей в квартире. Даже учительница в школе не умела так говорить.

– А сейчас вы кто? – спросил Борька.

Лицо старика вдруг покрылось трещинками, а глаза блеснули сквозь щелочки. Такая у него была улыбка.

– А сейчас я – Александр Павлович Терлецкий. – сказал он. – А сегодня мой день, малыши. Такой день, когда я один раз в месяц могу делать чудеса.

– А вы можете... – Борька не смог сразу придумать. – Ну, чтобы сейчас пошел снег?

– Я был бы плохим волшебником, – сказал старик. – Снег – это не чудо. Снег, дружок, – это для самых маленьких, для тех, которые ничего не понимают. А настоящее чудо – это искусство. Оно для души, а не для глаз. Настоящее чудо надо чувствовать, а не видеть.

Старик посмотрел на Борьку, и Борьке стало неловко: на куртке чернильное пятно, а у левого ботинка появился рот. Мать говорит: «Вот повезет, выиграем, куплю тебе костюм и пальто». Но матери никогда не везет.

– А чтобы выиграл лотерейный билет, вы можете? – спросил Борька.

– Нет, – сказал старик. – Выигрыш – это случай, а случай мне не подвластен. Вот что, малыши, проводи меня немного. Тут недалеко. Только скажи, тебе дома не попадет?

– Мне нужно домой, когда отец заснет, – сказал Борька.

– Ага, понимаю. Понимаю, мальчик, – сказал старик. – Тогда идем.

И они пошли вдоль Лебяжьей Канавки, мимо играющих детей, мимо сидящих на скамейках парней и девушек, которые все читали свои толстые книги, мимо большой гранитной вазы и остановились на минутку около киоска с газированной водой.

– С тройным сиропом, – сказал старик продавице, и Борька понял, что чудеса начинаются.

Стакан был холодный и влажный, как кусок льда. В нем купалось вишневое солнце и горьковатыми невидимыми брызгами стреляли по губам розовые пузырьки. Борька выпил все.

– Еще? – спросил старик.

– Нет, – сказал Борька. – Если второй раз, то будет невкусно.

И они снова пошли. По мосту над Фонтанкой по тротуару в тени, поперек тихой и горячей от солнца улицы, вдоль старых потемневших домов. Палка постукивала по асфальту. Суконные боты шаркали. Борька оглядывался, но никто, ни один человек не замечал, что по улице идет волшебник.

– Сюда, – сказал старик, и они поднялись по крутым каменным ступенькам в магазин. Здесь в прохладе и в тишине жили книги. Целые стены до потолка из книг.

– Здесь весь мир, – сказал старик. – Здесь прошлое, настоящее и будущее, свет, доброта и нежность.

– Книги? – спросил Борька.

– Это люди, – сказал старик. – Люди, живущие вечно. Великие добрые люди. Они разговаривают тихо, без желчи и горечи. Если ты обращаешься к ним, они никогда не спят, если спрашиваешь – не прячутся. Они не ворчат. В них нет гонора и зазнайства. Они честны, они понимают все. Ты слышал, как разговаривают книги?

– Нет, не слышал, – сказал Борька.

– Тише, – сказал старик. – Слушай. Смотри и слушай.

Борька замер. Замер старик. Замерла тишина в магазине. Книги молча стояли на своих полках.

– Не слышу, – шепотом сказал Борька.

Старик посмотрел на книги, потом на Борьку и сказал, будто просыпаясь:

– Да-да, ты прав, мальчик. Я забыл. Совсем забыл, что ты еще не умеешь слушать внутри себя. Я совсем забыл.

Из задней комнаты вышла девушка в голубом платье. Она подошла к полкам с книгами и провела пальцем по корешкам.

– Я вас давно не видела, Александр Павлович, – сказала она и улыбнулась.

– Что поделаешь, я трехногий, – сказал старик и стукнул палкой о пол. – Но сегодня мой день, Машенька. Сегодня я при деньгах. Сегодня я хозяин чудес. Ну-ка покажите мне нового Сервантеса.

Книга была большая, серая, с длинным черным человеком на обложке. Человек опирался на меч, немного похожий на трость.

– Вечность, – сказал старик и положил на прилавок палку. Он взял книгу обеими руками, как берут полный поднос, погладил ладонью первую страницу и засмеялся.

– Так-так, – сказал он. – А вон там, наверху, я вижу Бернса. Сюда, сюда Бернса. А кто это в синем? Верхарн? Сюда старину Верхарна!

Девушка снимала книги с полок, и старик гладил каждую из них, и глаза у него блестели сквозь щелочки.

Он открыл Сервантеса и что-то медленно написал на первой странице, двигая авторучку неловкими пальцами. Потом протянул книгу Борьке.

– Это тебе. Я счастлив, что ты еще ничего не знаешь. Ты откроешь его с ясным сердцем. С улыбкой. Ну, держи.

Борька взял книгу. Ему еще никто никогда не дарил таких больших книг. Он прижал Сервантеса к груди и не знал, что говорить и что делать дальше.

– Это волшебная книга, – говорил старик, пока девушка заворачивала остальные. – Людям не хватает совсем немного, мальчик. Чудо ходит рядом с людьми, но люди шарахаются от него. Они еще не привыкли. Но они привыкнут, малыш, привыкнут.

Они вышли из магазина. Уставшее солнце опускалось в конце улицы. Огромный красный диск, похожий на щит.

– Вот и все, – сказал старик. – Прощай. Извини. Жаль, что я не могу сделать так, чтобы выиграл лотерейный билет. Да это и хорошо. Никогда не надейся на случай. Беги домой, отец, наверное, уже спит.

– Спасибо, – сказал Борька.

Старик похлопал его по плечу и застучал палкой по тротуару. Он шел прямо навстречу красному солнцу. Длинная черная тень уходила от Борьки по асфальту. На мгновение она стала похожей на черного человека с мечом на обложке книги. Потом ее заслонила женщина с девочкой, потом еще одна женщина, а потом все люди, идущие по тротуару.

Борька отошел к стене дома и открыл книгу.

«Дон Кихот», – прочитал.

Наискосок, из угла в угол страницы, старик написал большими дрожащими буквами:

«БУДЬ СЧАСТЛИВ, МАЛЫШ, А. ТЕРЛЕЦКИЙ».

Вопросы для обсуждения:

1. Какие чувства вызвали у вас Борька и старик Терлецкий? Встречались ли вы с такими стариками в жизни?
2. Почему именно Борьке открыл старик тайну подлинного чуда? Как вы представляете прошлое этого старика?
3. Что имел в виду старик, когда говорил: «Волшебников, волшебниц в мире много, они среди нас, но мы не видим их!»?
4. Какими чертами характера обладает сам Борька? Нет ли среди этих черт волшебных?
5. Что значат слова Терлецкого: «Ты еще не умеешь смотреть»?
6. Почему мальчику показалось, что старик похож на того черного человека с мечом в руке, который смотрел с обложки книги «Дон Кихот»? А вы сами об этой книге что-нибудь слышали?
7. Почему именно эту книгу выбрал старик для подарка Борьке? А себе купил другие?
8. Почему рассказ называется «Чудеса»? Какое главное чудо из всех чудес открылось Борьке при встрече с Терleckим?

Дополнительная литература по теме:

- Лихачев Д. «Письма о добром»
- Голявкин В. «Мой добрый папа»
- Крапивин В. «Оруженосец Кашка»
- Распутин В. «Уроки французского»
- Достян Р. «Тревога».
- Коваль Ю. «Клеенка».
- Воскобойников В. «Портрет Кати Е.»

Раздел 8

ДРУЖБА ИСТИННАЯ И ЛОЖНАЯ

Дружба – взаимное эхо: она дает столько, сколько берет.

А. Герцен

О теме

Дружба – одна из форм нравственных отношений между людьми, основанная на взаимной привязанности двух или более людей, на тесной и бескорыстной их общности. Дружба строится на схожести интересов и эмоциональном контакте. Настоящий друг в представлении человека – это его Альтер Эго (другой я). Друзей часто соединяют психологическая близость, личные контакты, совместная деятельность. Дружба избирательна и индивидуальна. Она предполагает не только схожесть интересов, но и взаимные симпатии, равенство отношений. Хорошо по этому поводу сказал Радий Погодин устами Гришки: «Если друг, то не собственность. Если собственность, то унижение. Если унижение, то в дружбе измена. Если измена, то предательство. А предательство маленьким не бывает».

В детстве дружба возникает часто в процессе общей игры или общего занятия. У подростков с развитием самосознания появляется потребность в интимной дружбе, носящей исповедальный характер, потребность в человеке, с которым можно было бы обсудить и соотнести собственные переживания. В юности она предвосхищает любовь. Это сила, соединяющая людей. Если у тебя есть друг, то ты не одинок. Дружба предполагает восприятие и понимание другого, обмен знаниями и мыслями, обеспечивает человеку свою представленность в другом человеке.

Воспоминания о крепкой школьной дружбе бережно хранятся людьми до глубокой старости. Бескорыстная истинная дружба издавна противопоставлялась «мнимой» дружбе – отношениям, основанным на корысти, на личной выгоде, на эгоизме. Дружба нуждается в верности и не терпит измены. Верность означает приверженность другу, постоянство в отношениях с ним. Эти качества культивировались в традициях человеческих взаимоотношений. Отсутствие этих качеств приводит к разрыву людей. Сплачивает друзей общее дело, направленное на позитивную цель. Если дело утрачивает положи-

тельный смысл или приобретает аморальный характер, то отказ от него не является безнравственным, а сама дружба, основанная на неблагоприятных целях, расценивается как ложная. Опытные люди дают совет: «Если ты подозреваешь в действиях друга злой умысел, лучше прекратить с ним отношения».

Особая тема, когда дружат мальчики с девочками. Эта дружба требует преодоления недоверия и непонимания. Она требует разрушения стереотипа, что такая дружба невозможна.

Художественная литература дает образцы как истинной, так и ложной дружбы, помогает читателям разобраться «что есть что», где дружба, а где корысть, где искренность, а где фальшь.

Рекомендуем обсудить:

1. Томин Ю. «Счастливым день»
2. Нагибин Ю. «Мой первый друг, мой друг бесценный»
3. Пивоварова И. «Про мою подругу и немножко про меня»
4. Пивоварова И. «Весенний дождь»
5. Кудрявцева Т. «Принц и нищий»
6. Кудрявцева Т. «Размышляй, Фроликов!»

О рассказе Юрия Томина «Счастливые день»

Может показаться, что ничего счастливого в жизни Павлика в этот день не произошло. Обычный летний день. Не считать же за счастье, что родителей в этот день не было дома, что рыбалка не удалась, что новую кастрюлю сжег на костре, что вымок до нитки под дождем. И все-таки «сегодня был удивительный, счастливый день». Дверь к этому счастью Павлику открыл соседский парень Жека. Как маленький принц, приручив Лиса, стал для Лиса единственным в мире, так и Жека, пригласивший Павлика на рыбалку, открыл в том способность отдавать свое сердце другому. Слова «мы с Павликом», словно волшебство, раскрыли в мальчике самое лучшее, что есть в нем: доброту, сердечность, бескорыстие, преданность, обостренное чувство красоты. «Все это вместе: и быстрая мутная вода, и капли дождя, секущие спину, и краешек голубого неба, показавшийся на горизонте, и даже то, что вокруг не было ни души, – все это было прекрасно», потому что рядом был друг.

Обсуждая рассказ, важно «заразить» детей мироощущением героя, и на этой основе пробудить потребность в том огромном богатстве, каким является другой человек, особенно друг.

Текст рассказа (в сокращении):

Павлика разбудил здоровенный желтый имель. Ходики на стене показывали девять часов. Отец с матерью рано утром уехали в город покупать телевизор. Сегодня не было ничего запретного: хочешь – иди на речку, хочешь – на пруд, кататься на плоту, или – на железную дорогу. И Павлик никак не мог решить: что же выбрать! Ему хотелось всего сразу.

Он вышел на улицу. За редким забором соседнего дома копал землю лопатой мальчик с белыми ресницами.

– Жека... А Жека!.. – сказал Павлик. – Жека, ты чего, а?

– Червей копаю. Не видишь?!

Павлик вздохнул. По началу разговора было ясно, что с Жекой сегодня ничего не выйдет. Жека берет в компанию Павлика только в самом крайнем случае, когда нет никого другого. Павлик уважает его

и немного побаивается. Жека сильный – он может взять Павлика за руки и кружить по воздуху.

– Дай я покопаю, – предложил Павлик.

Жека молча вывернул еще один ком.

– Ну, дай!.. – повторил Павлик.

– И без тебя никак не накопать! Сейчас Витька придет, а у меня нет ничего.

– Можно, я пойду?

– Больно умный! – отрубил Жека.

Павлик постоял, помолчал и пошел прочь. Во дворе Павлик взял грабли и направился за сарай, где в тени лежала гряда старой щепы. Он разгреб щепу и прямо с земли стал собирать червей в две банки сразу. Сзади послышались шаги. Павлик знал, что это Жека, но не обернулся.

– Много накопал? – спросил Жека.

– Две полбанки, – ответил Павлик.

– Дай мне чуть-чуть. У меня только три штуки, а сейчас Витька придет...

– Бери, мне и совсем не нужно, – сказал Павлик.

После такой щедрости Жека, конечно, должен был взять Павлика с собой. Но он забрал червяков и ушел. «Это все из-за Витьки», – решил Павлик и стал думать про Витьку.

В этот момент снова пришел Жека.

– Ты Витьку не видел? Обещал в шесть разбудить, а сейчас уже девять...

– Уже десять, – злорадно сказал Павлик. – Он и не придет вовсе.

– Еще как придет... – не очень уверенно возразил Жека. – Мы позавчера договорились. Пойдешь со мной?

– Я?!

– А то кто, свинья? – усмехнулся Жека. – Котелок возьми, будем уху варить. Я бы взял, да неохота домой идти.

Павлик бегом бросился в дом и вынес белую эмалированную кастрюлю. Он знал, что ему попадет за кастрюлю, но это будет когда еще... А сейчас надо было торопиться, пока у Жеки не изменилось настроение.

Пыльная дорога привела их к лугу, расчерченному валками скошенной травы. День был безветренный и жаркий. Над лугом стоял неумолчный звон. Это кузнечики пели свои песни. В небе грелись под

солнцем белые облака. Ребята поднялись на полотно железной дороги и зашагали по шпалам. Из придорожных кустов вылез толстый дачник в резиновых сапогах и с рюкзаком. В руках он держал спиннинг и несколько удочек, связанных пучком.

– Ого! – сказал дачник, подходя к ним. – Тоже рыбаки?

Павлик и Жека уставились на него.

– Чего же вы молчите? – спросил дачник, стараясь казаться очень веселым. – Может быть, вы думаете, что я Карабас-Барабас?

– Не... – сказал Жека.

– А хотите, ребята, я вам крючков дам? – неожиданно предложил он. – У меня всякие есть.

– Не... зачем... – угрюмо сказал Жека.

Но дачник не унимался.

– Мы пойдем, дядя, – сказал Жека.

– Возьмите меня с собой? А я... – и он полез в карман. – А я вам полтинник дам.

– Не... – сказал Жека, переминаясь с ноги на ногу.

Дачник заморгал глазами, сердито швырнул крючки в банку. Лицо у него было такое обиженное, что Павлику стало жалко его. Но Жека уже тянул его в сторону. Они шли насытью, и Павлик несколько раз оборачивался, чтобы взглянуть на этого толстого, шумного и странного человека.

– «Карабас-Барабас», – передразнил Жека. – Места ему покажи! Боров толстый!

Сойдя с дороги, они еще долго шли лесом, пока не вышли к низине, где в берегах, заросших осокой, пряталась ленивая речка Орлинка. На цыпочках, чтобы не распугать рыбу, ребята подошли к реке. Забросив удочку, Павлик замер. Но Жека не выдержал первым.

– Тут один окуня поймал. Здоровый! – сказал он шепотом.

Но тут у Жеки клюнуло, и он вытащил окуня. Жека набрал воды в кастрюлю и выпустил туда окуня. Они ползали на коленях возле кастрюли, рассматривая окуня и тыкали в него палочкой, чтобы он растопырил свои колючки. Наконец окунь перевернулся кверху брюхом, и ребята возвратились к удочкам.

Больше они ничего не поймали, хотя просидели часа три.

– Давай уху сварим, – предложил Жека.

– Из одной рыбины?

– А мы воды нальем побольше.

– А ножик есть чистить?

– Окуня можно с кишками варить, – солидно сказал Жека. – Иди за дровами.

Павлик принес сухих веток. Костер прогорел очень быстро.

– Говорил я тебе, – толстых неси, – недовольно сказал Жека. – Лучшие я сам принесу.

Павлик стоял подле костра и думал: что бы такое сделать? Как умилоствовать Жеку? Как ни странно, в глубине души Павлик был на его стороне. Может быть, тем самым отстаивал он свое право распоряжаться и командовать, когда вырастет такой же большой.

– Порядок в танковых войсках, – сказал Жека. – Пусть уварится. Купнемся?

Не дожидаясь ответа, он сдернул штаны, рубашку, приплясывая, сбегал к реке и прыгнул в воду. Павлик, так же приплясывая, побежал за ним и с нарочитой неловкостью, болтая ногами, стараясь поднять как можно больше брызг, обрушился в речку.

– А я в штанах!.. – крикнул он, вынырнув. – Я нарочно! В штанах прыгнул!

– Ура! – ответил Жека, нырнул и схватил Павлика за ногу.

Они вместе вынырнули на поверхность и захохотали. От смеха у Павлика сразу отяжелели руки. Он хотел перестать смеяться, но от этого засмеялся еще сильнее и окунулся с головой. Даже под водой ему хотелось смеяться. То погружаясь, то выныривая, хохочущий и бледный Павлик кое-как добрался до берега и, обессиленный, растянулся на траве.

Прижавшись щекой к траве, Павлик молча смотрел, как Жека танцевал на одной ноге, стараясь другой попасть в штанину. Жека подошел к костру и застыл, бессмысленно, как показалось Павлику, глядя на огонь. Затем он схватил ветку, поддел кастрюлю и швырнул ее в сторону.

– Иди скорей!

Павлик, прежде чем подошел, понял, что случилось. Чудесная новая кастрюля с белыми блестящими боками... От копоти она стала совершенно черной! Вода выкипела; эмаль потрескалась и отлетела во многих местах. На дне припекся и чадил бурый комок с головой окуня.

– Тебе попадет?

Павлик кивнул.

Через минуту они уже гоняли кастрюлю по лугу, пока она не свалилась в речку.

– Теперь ей крышка, – с удовольствием сказал Жека.

– У нее крышка, и ей крышка, – ответил Павлик.

И все вместе это было так смешно, что они повалились на траву и смеялись до слез, болтая ногами в воздухе. Потом они усталые лежали рядом и смотрели в небо. Облака стояли на месте, а земля неслась под ними, как большой корабль.

Они спали долго. Сквозь сон Павлик слышал, как прилетел вертолет. Он кружился над ними и грохотал все громче, но никак не мог улететь. Потом он стал стрелять из пушки, и Павлик проснулся.

Огромная сизая туча с оплавленными золотыми краями шла над лесом. Резкий удар грома хлестнул по земле, и лес ухнул и пригнулся, смятый порывом ветра.

Жека тоже проснулся и вскочил на ноги. Подобрал удочки, они бросились к опушке и укрылись под большой елью. Отсюда был виден притихший луг и кусты над рекой, замершие, будто скованные страхом. С минуту стояла настороженная, недобрая тишина. Затем где-то далеко зародился и стал приближаться глухой шум. Он двигался быстро, как поезд. И когда он подошел вплотную, на землю обрушился дождь.

Ель недолго спасала их от воды. Сверху зачастили холодные капли.

– Бежим домой по дождю, – предложил Жека, – все равно мокро.

Павлик поежился.

– Бежим, под дождем теплее.

Они выскочили из леса на поле, и ливень хлестнул им в спину, вымочил с головы до ног в одну секунду. Это было даже приятно – как будто окунулся в теплую воду... Вдоль дороги по канаве мчался коричневатый бурный поток. Жека влез в канаву и пошел против течения.

– Я иду по реке босиком! – крикнул он. И тотчас же Павлик прыгнул в канаву и побрел вслед за Жекой, не обращая внимания на щепки и мелкие камни, больно ударявшие по ногам. Все это вместе: и быстрая мутная вода, и капли дождя, секущие спину, и краешек голубого неба, показавшийся на горизонте, и даже то, что вокруг не было ни души, – все это было так прекрасно, что Павлику захотелось сделать что-нибудь особенное.

– Жека!

Жека обернулся. Павлик подогнул ноги и сел прямо в воду посреди канавы. Тараща глаза и кривя рот, чтобы было еще смешнее, он хлопал по воде ладонями.

Жека расхохотался и двинулся дальше. Павлик вскочил и пошел за ним, распевая:

– Дождик, лей, лей, лей!

Этот дождик чимбалей!

Дождик лей, лей, лей!

Этот дождик чимбалей!

Размахивая руками, он маршировал под эту песню и загребал ногами, разбрызгивая воду.

Дождь прекратился сразу, как будто завинтили кран. Ребята вышли на околицу, обогнали колхозное стадо. Коровы шли медленно. Павлик подошел к одной и похлопал ее по влажному, дымящемуся боку. Раньше он никогда так не делал, но сегодня ему почему-то ничего не было страшно. Сегодня был удивительный, счастливый день.

У Жекиного дома они встретили Витьку.

– Чего ж ты! – сказал Витька Жеке. – Я тебя ждал. Ждал, а тебя, оказывается, и вовсе нету.

– Это я тебя ждал! – вскинулся Жека.

– Нет, я, – уперся Витька.

– Витька, он, правда, тебя ждал, – храбро вмешался Павлик.

Витька презрительно взглянул на него.

– Ты еще тут... Молчи, пока не получил.

Павлик потихоньку подвинулся за спину Жеки.

– А вот и не получит, – сказал Жека, делая еще шаг вперед.

– Еще и ты получишь! – Витька отступил сразу на два шага.

– Не получи!! – грозно сказал Шека и двинулся на Витьку, выставив вперед плечо. Витька скрылся за углом забора.

– Не приду к тебе никогда... – доносилось издали.

– И не надо! Не надо! – заорал Жека. – Мы теперь с Павликом!.. Лучшие не приходи в наш конец!

«Мы с Павликом...» Услышав эти слова, Павлик ощутил в себе такое мужество, что подобрал камень, брошенный Жекой, и побежал к забору. Но Витьки уже не было.

– Завтра опять пойдем, – предложил Жека, когда Павлик вернулся. – Верно?

– Ага! – с восторгом сказал Павлик. – Еще и не туда... Еще больше наловим!

– Я тебя разбужу, – сказал Жека. – Только ты вот что... кастрюлю захвати. Может, много наловим, тогда еще сварим.

Павлик задумался. Напоминание о кастрюле отозвалось в низу

живота легким холодком. Дома ждала мать. Она, конечно, заметила пропажу. Но Павлик не мог отказаться от своего счастья. Если Жеке нужна кастрюля, она будет!

– Я принесу, – ответил Павлик. – У нас еще есть три. Еще побольше той.

И Павлик храбро поднялся по ступенькам крыльца.

Вопросы к обсуждению:

1. Почему рассказ называется «Счастливый день»? Разделяете ли вы убеждение Павлика, что этот день был действительно счастливый? Что же в нем особенного? Только ли в том, что мальчика взяли на рыбалку? Какие душевные качества Павлика раскрылись в этот счастливый день?

2. Почему Павлик не только не обиделся, когда на вопрос-восклицание «Я?!» Жека ответил «А кто, свинья?», но «засмеялся еще громче Жеки, хотя понимал, что над собой смеется»?

3. Раньше Павлик никогда не трогал коров, боялся их, а сегодня подошел к одной и похлопал ее. Почему именно сегодня ему «ничего не было страшно»? Как объяснить, что после слов Жеки «мы с Павликом» Павлик ощутил в себе небывалое мужество и силу?

4. «Напоминание о сожженной кастрюле отозвалось в низу живота легким холодком», однако Павлик решил: «Если Жеке нужна кастрюля, она будет». Одобряете ли вы это решение? Почему?

5. Согласны ли вы с мнением Павлика, что Жека – настоящий друг?

6. Почему Жека, раньше друживший с Витькой, заступился за Павлика, а не за Витьку? Как объяснить, что Витька не осуществил свою угрозу, говоря Жеке – «еще получишь!», он отступил сразу на два шага?

7. Случайно ли в коротком рассказе так много места отведено природе? Какие рисунки к рассказу вы нарисовали бы, если бы были художниками? Поделитесь вашими замыслами.

8. В этот день все окружающее казалось Павлику прекрасным, и было ощущение, что «лес смеется» вместе с ним. Было ли нечто похожее в вашей жизни? Расскажите.

О рассказе Юрия Нагибина «Мой первый друг, мой друг бесценный»

Название рассказа – первая строчка стихотворения Пушкина, посвященная его другу Пушкину, навестившему ссыльного поэта в Михайловском и осчастливившему его своим посещением.

Рассказ Нагибина написан с той же интонацией любви к своему другу и благодарности судьбе за дружбу с ним. Он очень лиричный и грустный. Это рассказ о погибшем друге, который оставил в душе автора неизгладимый след. В рассказе много размышлений о дружбе, ее природе и ее ценности. Прослеживается путь зарождения дружбы, ее взлеты и падения, возникающие конфликты и их преодоление, счастливые минуты взаимопонимания и печаль, связанная с гибелью друга. Много внимания в рассказе уделено внешнему облику друга, через который автор раскрывает читателю внутренний мир сначала мальчика, потом юноши Павла. Автор любит и гордится своим другом, благодаря которому он узнал, что такое настоящая дружба.

Дружба с Павликом противопоставлена в рассказе другой дружбе, больше показной, чем истинной, какая сложились у автора с Митей Гребенниковым. На эту разницу в отношениях и надо обратить внимание детей при обсуждении рассказа. А главное – дать толчок нынешним детям к возникновению потребности в настоящем друге. Было бы уместным завершить обсуждение или предварить его написанием сочинения «Мой друг».

Текст рассказа (в сокращении):

***В**Телеграфном (так называется переулок в Москве. – И.Т.) я впервые заметил этого длинного, тонкого, бледно-веснучатого мальчика с большими серо-голубыми глазами в пол-лица. Стоя в сторонке и наклонив голову к плечу, он с тихим независтливым восхищением наблюдал наши молодецкие забавы. Он чуть вздрагивал, когда пущенный дружеской, но чуждой снисхождения рукой, снежок залеплял чей-то рот или глазницу, скупо улыбался особо залихватским выходкам, слабый румянец скованного возбуждения окрашивал его щеки... Я понял, что выставляюсь перед незнакомым мальчиком, и возненавидел его. Чего он трется возле нас? Какого черта ему надо?*

Уж не подослан ли он нашими врагами?.. Но когда я высказал ребятам свои подозрения, меня подняли на смех:

– Белены объелся? Да он же из нашего дома!..

Оказалось, мальчик живет в одном подъезде со мной, этажом ниже, и учится в нашей школе, в параллельном классе. Удивительно, что мы никогда не встречались! Я сразу изменил свое отношение к сероглазому мальчику. Его мнимая настырность обернулась тонкой деликатностью: он имел право водить компанию с нами, но не хотел навязываться, терпеливо ожидая, когда его позовут. И я взял это на себя.

Во время очередной снежной битвы я стал швырять в него снежками. Первый снежок, угодивший ему в плечо, смутил и вроде бы огорчил мальчика, следующий вызвал нерешительную улыбку на его лице, и лишь после третьего поверил он в чудо своего причастия и, захватив в горсть снега, пустил в меня ответный снаряд. Когда схватка кончилась, я спросил его:

– Ты под нами живешь?

– Да, – сказал мальчик. – Наши окна выходят на Телеграфный.

– У нас тоже. Меня зовут Юра, а тебя?

И мальчик сказал:

– Павлик.

Тому сорок три года... Сколько было потом знакомств, сколько звучало в моих ушах имен, ничто не сравнится с тем мгновением, когда в заснеженном московском переулке долговязый мальчик негромко назвал себя: Павлик.

Каким же запасом индивидуальности обладал этот мальчик, если сумел так прочно войти в душу другого человека. Павлик для меня не воспоминание, а соучастник моей жизни.

Поначалу наше знакомство больше значило для Павлика. Нежели для меня. Я уже был искушен в дружбе. Помимо рядовых и добрых друзей, у меня имелся закадычный друг Митя Гребенников. Наша дружба началась в нежном возрасте, трех с половиной лет, и в описываемую пору насчитывала пятилетнюю давность... Митина вздорность, перепады настроения, чувствительные разговоры и всегдашняя готовность к ссоре, хотя бы ради сладости примирения, стали казаться мне неременной принадлежностью дружбы. Сблизившись с Павликом, я долго не понимал, что нашел иную, настоящую дружбу. Мне казалось, что я просто покровительствую робкому чужаку. Поначалу так оно в известной мере и было. Павлик недавно

переехал в наш дом и ни с кем не свел приятельства. Он пользовался полной самостоятельностью. Родительской опеке он предоставил своего младшего брата, а себя воспитывал сам. Тем не менее первую скрипку в наших отношениях играл я. Я вовсе не шучу, так оно было на самом деле. Мое преимущество заключалось в том, что я не догадывался о нашей дружбе. По-прежнему я считал своим лучшим другом Митю Гребенникова. Ему нравилось ходить со мной в обнимку по школьным коридорам и фотографироваться вместе на Чистых прудах. Все это выглядело фальшиво, и я вдруг понял, что у настоящей дружбы совсем иной адрес.

И вот пришел в мою жизнь Павлик. И у дворовых и школьных ребят навсегда засело в памяти, что в нашей паре я был ведущим, а Павлик – ведомым. Недоброжелатели считали, что Павлик – какой-то принудительный ассортимент ко мне. Это осталось с той поры, когда я «вводил» Павлика в свет – сперва во дворе, потом в школе, – он перешел в наш класс и вновь оказался в положении чужака. И тут действительно дело было поставлено строго: меня нельзя было пригласить на день рождения, Новый год или другой праздник, не пригласив Павлика. Я покинул футбольную дворовую команду, где считался лучшим бомбардиром, когда Павлика отказались взять хотя бы запасным, и вернулся лишь вместе с ним... Так возникла иллюзия нашего неравенства, которую не могла рассеять вся последующая жизнь.

На самом деле ни один из нас не зависел от другого, но душевное превосходство было на стороне Павлика. Его нравственный кодекс был строже и чище моего. Долгое приятельство с Митей не могло пройти бесследно, я привык к известному моральному соглашательству. Павлик не понимал сделок с совестью, тут он становился беспощадным. Нам было лет по четырнадцати, когда я на своей шкуре испытал, каким непримиримым может быть мягкий, покладистый Павлик.

На уроках немецкого я чувствовал себя как рыба в воде. Елена Францевна – худая, востренькая, за глаза ее звали Крысой – вызывала меня читать вслух, и маленькое, некрасивое ее лицо молодо розовело, когда я выдавал свое «истинно берлинское произношение».

Но настал и мой черед. Елена Францевна никогда не спрашивала у меня уроков. Вдруг, ни с того ни с сего, она вызвала меня к доске, будто самого рядового ученика. Как раз перед этим я пропустил несколько дней – то ли болел, то ли прогуливал, – я понятия не имел о

домашнем задании. Наверное, она все-таки была злючкой и вызвала меня нарочно, чтобы подловить. Но поначалу все шло хорошо. Я про-спрягал какой-то глагол, отбарабанил предлоги, прочел по учебнику назидательную историйку и пересказал содержание.

– Прекрасно, – поджала узкие губы Елена Францевна. – Теперь стихотворение.

– Какое стихотворение?

– То, которое задано! – отчеканила она ледяным тоном.

– А вы разве задавали?

– Привык на уроках ворон считать!

– Да я же не был в школе! Я болел.

Она уставилась на меня и стала листать классный журнал.

– Совершенно верно, ты отсутствовал. А спросить у товарищей, что задано, мозгов не хватило?

Взял бы да и сказал – не хватило. Ну что она могла мне сделать? И тут я нашел другой выход. О домашних заданиях я спрашивал у Павлика, а он ни словом не обмолвился о стихотворении. Забыл, наверное. Я так и сказал Елене Францевне с легкой усмешкой.

– Встань! – приказала Павлику немка. – Это правда?

Он молча наклонил голову. И я тут же понял, что это неправда. Как раз о немецком я его не спрашивал. Елена Францевна перенесла свой гнев на Павлика. Он слушал ее, по обыкновению, молча, не оправдываясь и не огрызаясь, словно все это его не касалось. Спустив пары, немка уgomонилась и предложила мне прочесть любое стихотворение на выбор. Я заработал жирное «отлично».

Вот так все и обошлось. Ан, не обошлось. Когда, довольный и счастливый, я вернулся на свое место, Павлика не оказалось рядом. Исчезли его учебники, тетрадки. Я оглянулся: он сидел за пустой партой, через проход, позади меня.

– Ты чего это?

Он не ответил. У него были какие-то странные глаза: красные и налитые влагой. Я никогда не видел Павлика плачущим. Даже после жестоких, неравных и неудачных драк, когда и самые сильные ребята плачут – не от боли, а от обиды, – он не плакал. Он и сейчас умудряется держать слезы в глазах, не давая им пролиться, но внутри себя он плакал.

– Брось! – сказал я. – Стоит ли из-за Крысы?..

Он молчал. Какое ему дело до Крысы, он и думать о ней забыл! Его предал друг. Спокойно, обыденно и публично, средь бела дня, ради

грошовой выгоды предал человек, за которого он, не раздумывая, пошел бы в огонь и в воду.

Никому не хочется признаваться в собственной низости. Я стал уговаривать себя, что поступил правильно. Ну, покричала на него немка, подумаешь, несчастье, она на всех кричит. Стоит ли вообще придавать значение подобной чепухе? А вот окажись Павлик на моем месте, назвал бы он меня? Нет! Он скорее проглотил бы собственный язык. Почти год держал он меня в отчуждении. Все мои попытки помириться успеха не имели. А возможности были, мы учились в одном классе, жили в одном подъезде, наши пути все время пересекались. Павлик не хотел этого. Ему не нужен был тот человек, каким я вдруг раскрылся на уроке немецкого.

Когда же через год я послал ему записку с просьбой о встрече, он без всяких церемоний сразу поднялся ко мне, как делал это прежде. Он понял, что во мне стала другая кровь, вот и пришел.

Его не знали. Редкое душевное целомудрие заставляло Павлика держать на запоре свой внутренний мир. Но я-то знаю, как мощно заряжен был Павлик, каким сильным, страстным, целенаправленным характером он обладал. Все, что в нем развивалось, зрело, строилось. Павлик был мальчик умственный. Наша настроенность на культуру была необходима, как воздух.

Мне же общение с ним давало нечто большее. Он обладал характером мушкетера Атоса: несовременным в своей безупречности и благородстве вопреки всему.

С каждым годом мы становились все ближе и дороже друг другу. Мы искали себя. Застрельщиком поисков был Павлик. Между тем я начал писать рассказы, а Павлик – пробовать свои силы на подмостках любительской сцены. Каждый столкнулся со своей судьбой, с единственным делом, которому должен был служить.

А жить ему оставалось совсем немного. Он погиб под Сузиничами. Не от бомбы, не от осколка снаряда, не от прицельной или шальной пули – от своего характера. Немцы предлагали советским солдатам, захваченным врасплох в здании сельсовета, сохранить жизнь, если они положат оружие на деревянный пол и выйдут по одному с поднятыми руками. Но вот этого как раз и не могли сделать солдаты поредевшего отделения, которым командовал Павлик. Потеряв многих людей, немцы подожгли сельсовет, из пламени и дыма еще раз раздавались выстрелы. Ни один человек не вышел. Так рассказывали местные жители, когда вернулись наши. К тому времени от всей

деревни остались лишь зола и угли. Много лет прошло с окончания войны, прожита лучшая часть жизни, а мне до сих пор то чаще, то реже каждый год снится Павлик.

Если мерить мою жизнь последним поступком Павлика, разве могу я считать, что ни в чем не виноват? Нет. Виноват. Виноват во всем: в том, что не отдал своей жизни за друга, не спас, не защитил миллионы погибших. Павлик дал себя сжечь, чтобы жил я.

Вопросы для обсуждения:

1. Какое чувство у вас вызвал этот рассказ? Поделитесь вашими впечатлениями.

2. Знакомы ли вам слова «деликатность», «благородство»? Что они означают? Почему именно эти слова употребляет автор, говоря о своем друге Павлике?

3. Почему, описывая портрет своего друга при первом знакомстве с ним, автор подчеркивает его СКУПУЮ улыбку и СКОВАННОЕ возбуждение? Как они характеризуют мальчика? Какие черты его личности раскрывают?

4. Что значит выражение автора «держат на запоре свой внутренний мир»? Какое отношение это выражение имеет к Павлику?

5. Что скрепляло дружбу автора с Павликом? Как вы понимаете выражение: «он имел душевное превосходство»? Что означают слова «настроенность на культуру»? Как эта настроенность сказалась на выборе друзьями жизненного пути?

6. «Закадычный друг» Митя Гребенников и «настоящий друг» Павлик, чем они отличаются друг от друга? В чем разница дружбы рассказчика с ними? Почему дружба с Митей не оказала такого сильного влияния на жизнь Юры, как дружба с Павликом?

7. Какой конфликт произошел в отношениях автора и Павлика на уроке немецкого языка? В чем суть этого конфликта? Почему Павлик, сильный по натуре человек, заплакал на этом уроке?

8. Рассказывая об этом конфликте, автор использовал выражение «сделка с совестью», что это выражение означает, и какое отношение оно имеет к произошедшему конфликту?

9. Как восстановилась дружба между этими ребятами? Говоря об этом, автор использует выражение: «Во мне стала другая кровь». Как вы понимаете данное выражение?

10. Почему автор испытывает чувство вины перед погибшим другом? Как он эту вину понимает? Почему вина перед Павликом соединилась в авторе с виной перед всеми погибшими на войне?

11. Есть ли у вас друзья? Если нет, то каким вы представляете себе друга в ваших мечтах? Расскажите или напишите.

О рассказе Ирины Пивоваровой «Про мою подругу и немножко про меня»

Этот рассказ, адресованный младшим школьникам, не претендует на философское осмысление слова «друг». Однако он отражает важнейшую черту настоящей дружбы – заботу друг о друге. Есть такое изречение: друг – тот, кто всякий раз, когда ты в нем нуждаешься, об этом догадывается. Оно подходит к характеристике взаимоотношений этих девочек. Мелкие разногласия между подругами – это пустяки. Через преодоление их дружба становится еще крепче. Главное, что соединяет двух Люсек, – это желание сделать добро друг другу, желание быть вместе. Даже разъехавшись на лето, они помнят друг о друге и скучают.

Рассказ ведется от имени одной из Люсь и начинается с описания портрета другой. Замеченные тонкости черт лица подруги говорят о дружелюбии по отношению к ней. Она любит подругу, в ней нет эгоизма. Она признает, что подруга лучше ее во всех отношениях, кроме маленького пустяка: та ростом была ниже. Разница в росте и явилась черной кошкой, пробежавшей между ними. Люська одна обиделась на другую, что та обогнала ее в росте. А обида дала понять одной Люське, что ей не хватает другой. И никто не может ее заменить. В письмах друг другу из летнего лагеря они признались, что скучали. А когда та Люська, от имени которой ведется рассказ, получила письмо от другой Люськи – ответ на ее письмо, то первая всем рассказывала, какая у нее есть замечательная подруга в Москве. Эта радость от получения письма – дорогого стоит.

Рассказ заканчивается встречей подруг на вокзале. Она подтверждает, что дружба между девочками была подлинной, а не показной. Рассказ маленький, а это значит, что в нем каждая деталь, каждый нюанс важен. Пусть дети при обсуждении рассказа проявят свою наблюдательность за текстом и назовут как можно больше замеченных ими черт настоящей дружбы двух Люсь. А, может быть, и расскажут о своих друзьях.

Текст рассказа:

Двор у нас большой. В нашем дворе гуляло много всяких детей – и мальчишек и девчонок... Но больше всех я любила Люську. Она была моей подругой. Мы с ней жили в соседних квартирах, а в школе сидели за одной партой.

У моей подруги Люськи были прямые желтые волосы. А глаза у нее были!.. Вы, наверное, не поверите, какие у нее были глаза. Один глаз зеленый, как трава. А другой – совсем желтый, с коричневыми пятнышками!

А у меня глаза были какие-то серые. Ну, просто серые, и всё. Совсем неинтересные глаза! И волосы у меня были дурацкие – кудрявые и короткие. И огромные веснушки на носу. И вообще всё у Люськи было лучше, чем у меня. Вот только ростом я была выше.

Я ужасно этим гордилась. Мне очень нравилось, когда нас во дворе звали «Люська большая» и «Люська маленькая».

И вдруг Люська выросла. И стало непонятно, кто из нас большая, а кто маленькая.

А потом она выросла еще на полголовы.

Ну, это было уже слишком! Я на неё обиделась, и мы перестали гулять вместе во дворе. В школе я не смотрела в ее сторону, а она не смотрела в мою, и все очень удивлялись и говорили: «Между Люськами чёрная кошка пробежала», и приставали к нам, почему мы поссорились.

После школы я теперь не выходила во двор. Мне там нечего было делать.

Я слонялась по дому и не находила себе места. Чтобы не было так скучно, я украдкой из-за занавески смотрела, как Люська играет в лапту с Павликом, Петькой и братьями Кармановыми.

За обедом и за ужином я теперь просила добавки. Давилась, а все съедала... Каждый день я прижималась затылком к стене и отмечала на ней красным карандашом свой рост. Но странное дело! Выходило, что я не только не расту, но даже наоборот, уменьшилась почти на два миллиметра!

А потом настало лето, и я поехала в пионерский лагерь.

В лагере я все время вспоминала Люську и скучала по ней.

И я написала ей письмо.

Здравствуй, Люся!

Как ты поживаешь? Я поживаю хорошо. У нас в лагере очень весело. У нас рядом течет речка Воря. В ней вода голубая-голубая! А на берегу есть ракушки. Я нашла для тебя очень красивую ракушку. Она кругленькая и с полосками. Наверное, она тебе пригодится. Люсь, если хочешь, давай дружить снова. Пусть тебя теперь называют большой, а меня маленькой. Я все равно согласна. Напиши мне, пожалуйста, ответ. С приветом! Люся Синицина.

Я целую неделю ждала ответа. Я все думала, а вдруг она мне не напишет! Вдруг она больше никогда не захочет со мной дружить!.. И когда от Люськи наконец пришло письмо, я так обрадовалась, что у меня даже руки немножечко дрожали.

В письме было написано вот что:

Здравствуй, Люся!

Спасибо, я поживаю хорошо! Вчера мне мама купила замечательные тапочки с белым кантиком. Еще у меня есть новый большой мяч, прямо закачаешься! Скорее приезжай, а то Павлик с Петькой такие дураки, с ними неинтересно! Ракушку ты смотри не потеряй. С пионерским салютом! Люся Косицина.

В тот день я до вечера таскала с собой голубой Люськин конвертик. Я всем рассказывала, какая у меня есть в Москве замечательная подруга Люська.

А когда я возвращалась из лагеря, Люська вместе с моими родителями встречала меня на вокзале. Мы с ней бросились обниматься... И тут оказалось, что я переросла Люську на целую голову.

Вопросы к обсуждению:

1. Обратили ли вы внимание, что в названии рассказа на первое место поставлена подруга Люська, а не автор рассказа? О чем это говорит?
2. Что автор рассказывает о подруге и что – о себе? Почему о подруге больше, чем о себе?
3. Какие признаки настоящей дружбы между двумя Люсями вы заметили?
4. Все ли гладко было в их дружбе? Каковы причины их размолвок? Серьезные ли они?
5. Чем вы можете доказать, что автор дорожит дружбой с Люськой?
6. В чем она видит привлекательность подруги и как проявляет гордость за нее?

7. Как вы думаете, что рассказывала Люська всем окружающим о своей подруге, размахивая конвертом с письмом? Понравились ли вам письма подруг? О чем они свидетельствуют?

8. А что ВЫ можете рассказать о своих подругах? Чем они похожи на вас и чем отличаются? А может быть, они такие же, как две Люськи из рассказа Ирины Пивоваровой?

О рассказе Ирины Пивоваровой «Весенний дождь»

Дружба у каждого начинается по-своему. Один из вариантов завязки представлен в данном рассказе. Героиня рассказа с восторгом описывает весеннее солнышко, зеленые листочки, колыхание веток за окном. В такой день хочется счастья, а не выполнения уроков! Поддавшись весеннему настроению, Люся пришла в школу, не сделав уроки. И, естественно, получила двойку. Ее радостное настроение сменилось горестным чувством. Но оно длилось недолго. Ей передали записку, в которой таинственный посланник просит ее не печалиться и предлагает дружбу. Как в мартовский день тучи сменяются солнцем, так и настроение Люськи. От горести не осталось и следа. Какое счастье – ей таинственный незнакомец предлагает дружбу! Что может быть желаннее этого? Однако таинственная подпись на записке не давала покоя Люське.

Теряясь в предположениях, кто автор записки, она поделилась своими соображениями с соседкой по парте, ее подругой. На следующей перемене весь класс знал о записке, и автор записки бросил Люське обвинение за ее длинный язык и добавил, что дружить с ней не хочет. Каким серым и мрачным показался Люське тот самый весенний дождь, который совсем недавно вызвал у нее ликование. Но, выйдя на улицу, она увидела автора записки, Колю Лыкова, который ждал ее под дождем. Совместной прогулкой – «и мы пошли» – заканчивается рассказ. О чем они говорили, писатель нам не рассказывает, оставляя содержание разговора и дальнейшие отношения героев друг с другом на долю воображения читателя.

Текст рассказа:

Не хотелось мне вчера учить уроки. На улице было такое солнце! Такое теплое желтенькое солнышко! Такие ветки качались за окном!

Я вышла на улицу. Небо надо мной было быстрое... и было так хорошо, что весна!

Я гуляла во дворе до вечера, а вечером мама с папой ушли в театр, и я, так и не сделав уроков, легла спать.

Утро было такое темное, такое темное, что вставать мне совсем не хотелось. Вот так всегда. Если солнышко, я сразу вскакиваю. Я одеваюсь быстро-быстро. А когда утро такое, как сегодня, я одеваюсь еле-еле, мама меня подгоняет и злится.

По дороге в школу я вспомнила, что не сделала ни одного урока, и от этого мне стало еще хуже. Не глядя на Люську, я села за парту и вынула учебники. Вошла Вера Евстигнеевна. Урок начался. Сейчас меня вызовут.

– Синицына, к доске.

Я вздрогнула. Чего мне идти к доске?

– Я не выучила, – сказала я.

Вера Евстигнеевна удивилась и поставила мне двойку. Ну почему мне так плохо живется на свете? Лучшие я возьму и умру. Тогда Вера Евстигнеевна пожалеет, что поставила мне двойку.

Вдруг меня в спину толкнули. Я обернулась. Мне в руки сунули записку. Я развернула узкую длинную бумажную ленточку и прочла: «Люся! Не отчаивайся!!! Двойка – это пустяки!!! Двойку ты исправишь. Я тебе помогу! Давай с тобой дружить! Только это тайна! Никому ни слова!!! Яло-Кво-Кыл.

В меня сразу как будто что-то теплое налили. Я так обрадовалась, что даже засмеялась. Люська посмотрела на меня, потом на записку и гордо отвернулась.

Неужели это мне кто-то написал? А может, эта записка не ко мне? Может, она Люське? Но на обратной стороне стояло: ЛЮСЕ СИНИЦЫНОЙ.

Какая замечательная записка! Я в жизни таких замечательных записок не получала! Ну конечно, двойка – это пустяки! О чем разговор! Двойку я запросто исправлю!

Я еще раз двадцать перечитала: «Давай с тобой дружить...».

Ну конечно! Конечно, давай дружить! Пожалуйста! Очень рада! Я ужасно люблю, когда со мной хотят дружить!

Но кто же это пишет? Какой-то ЯЛО-КВО-КЫЛ. Непонятное слово. Интересно, что оно обозначает? И почему этот ЯЛО-КВО-КЫЛ хочет со мной дружить?..

Наверное, он захотел со мной дружить, потому что я хорошая. А что я, плохая, что ли? Ведь с плохим человеком никто дружить не захочет!

На радостях я толкнула локтем Люську.

– Люсь, а со мной один человек хочет дружить!

– Кто? – сразу спросила Люська.

– Я не знаю. Тут как-то непонятно написано.

– Покажи, я разберу.

– Честное слово, никому не скажешь?

– Честное слово!

Люська прочла записку и скривила губы:

– Какой-то дурак написал! Не мог свое настоящее имя сказать.

– А может, он стесняется?

Я оглядела весь класс. Кто же мог написать записку? Ну кто? Хорошо бы, Коля Лыков! Он у нас в классе самый умный. Все хотят с ним дружить. Но ведь у меня столько троек! Нет, вряд ли он.

А может, это Юрка Селиверстов написал?.. Да нет, мы с ним и так дружим. Стал бы он ни с того ни с сего мне записки посылать!

На перемене я вышла в коридор. Я встала у окна и стала ждать. Хорошо бы, этот ЯЛО-КВО-КЫЛ прямо сейчас же со мной подружился!

Из класса вышел Павлик Иванов и сразу направился ко мне.

Так, значит, это Павлик написал? Только этого еще не хватало!

Павлик подбежал ко мне и сказал:

– Синицына, дай десять копеек.

Я дала ему десять копеек, чтобы он поскорее отвязался. Но больше никто не подходил.

Вдруг мимо меня стал прогуливаться Бураков. Мне показалось, что он как-то странно на меня поглядывает. Он остановился рядом и стал смотреть в окно. Так, значит, записку писал Бураков?! Тогда уж лучше я сразу уйду. Терпеть не могу этого Буракова!

– Погода ужасная, – сказал Бураков.

– Жуткая погода, – сказала я.

Тут Бураков вынул из кармана яблоко и с хрустом откусил половину.

– Бураков, дай откусить, – не выдержала я.

– А оно горькое, – сказал Бураков и пошел по коридору.

Нет, записку не он написал. И слава богу! Второго такого жадины на всем свете не найдешь!

Я презрительно посмотрела ему вслед и пошла в класс. Я вошла и обомлела. На доске огромными буквами было написано:

ТАЙНА!!! ЯЛО-КВО-КЫЛ + СИНИЦЫНА = ЛЮБОВЬ!!! НИКОМУ НИ СЛОВА!

В углу шушукалась с девчонками Люська. Когда я вошла, они все уставились на меня и стали хихикать.

Я схватила тряпку и бросилась вытирать доску. Тут ко мне подскочил Павлик Иванов и зашептал в самое ухо:

– «Это я тебе записку написал».

– Врешь, не ты!

Тогда Павлик захохотал как дурак и заорал на весь класс:

– Ой, умора! Да чего с тобой дружить?! Вся в веснушках, как каракатица! Синица дурацкая!

И тут, не успела я оглянуться, как к нему подскочил Юрка Селиверстов и ударил этого болвана мокрой тряпкой прямо по башке. Павлик взвыл:

– Ах, так! Всем скажу! Всем, всем, всем про нее скажу, как она записки получает.

И он выбежал из класса с дурацким криком:

– Яло-Кво-Кыл!

Уроки кончились. Никто ко мне так и не подошел. Все быстро собрали учебники, и класс опустел. Одни мы с Колей Лыковым остались. Коля все никак не мог завязать шнурок на ботинке.

Скрипнула дверь. Юрка Селиверстов всунул голову в класс, посмотрел на меня, потом на Колю и, ничего не сказав, ушел.

А вдруг? Вдруг это все-таки Коля написал? Неужели Коля? Какое счастье, если Коля! У меня сразу пересохло в горле.

– Коля, скажи, пожалуйста, – еле выдавила я из себя, – это не ты, случайно...

Я не договорила, потому что вдруг увидела, как Колины уши и шея заливаются краской.

– Эх, ты! – сказал Коля, не глядя на меня. – Я думал, ты... А ты...

– Коля! – закричала я. – Так ведь я...

– Болтушка ты, вот кто, – сказал Коля. – У тебя язык как помело. И больше я с тобой дружить не хочу. Еще чего не хватало!

Коля, наконец, справился со шнурком, встал и вышел из класса. А я села на свое место.

Никуда я не пойду. За окном идет такой ужасный дождь. И судьба моя такая плохая. Такая плохая, что хуже не бывает! Так и буду сидеть здесь до ночи. И ночью буду сидеть. Одна в темном классе, одна во всей темной школе. Так мне и надо.

Вошла тетя Нюра с ведром.

– Иди милая, домой, – сказала тетя Нюра. – Дома мамка заждалась.

– Никто меня дома не заждался, тетя Нюра, – сказала я и поплелась из класса.

Плохая моя судьба! Люська мне больше не подруга. Вера Евстигнеевна поставила мне двойку. Коля Лыков... Про Колю Лыкова мне и вспоминать не хотелось. Я медленно надела в раздевалке пальто и, еле волоча ноги, вышла на улицу.

На улице шел замечательный, лучший в мире весенний дождь! По улице, задрав воротники, бежали веселые мокрые прохожие!

А на крыльце, прямо под дождем, стоял Коля Лыков.

– Пошли, – сказал он.

И мы пошли.

Вопросы для обсуждения:

1. Если бы вы сами были автором этого рассказа, то как бы озаглавили его? Так же, как озаглавила его писательница, или как-то иначе? Весенний дождь – он ли главное событие рассказа?

2. Почему Люська пошла в школу с невыученными уроками? Что помешало ей их сделать? При чем здесь весенний дождь?

3. Почему отношение к дождю у девочки такое разное? То он радует, то угнетает?

4. Что означала для Люськи полученная на уроке записка? Почему она показалась ей лучшей в мире? Чем она порадовала ее и чем огорчила? Что означала эта странная подпись на записке?

5. Зачем она рассказала о записке своей подруге? Чем это обернулось для нее? Как класс реагировал на эту записку?

6. Почему Люська ругает себя и почему она решила, что судьба у нее совсем плохая?

7. Почему Коля сказал Люське, что дружить с ней не будет, а сам ждал ее на крыльце школы? Как вы думаете, зачем он ее ждал?

8. Как вы думаете, о чем Люська и Коля Лыков разговаривали, когда пошли вместе?

9. Как, по-вашему, сложатся их дальнейшие отношения? Расскажите о своих предположениях.

О рассказе Татьяны Кудрявцевой «Принц и нищий»

Главная героиня рассказа Алиса отравлена потребительскими интересами, исчисляемыми в валюте. Для нее такой же ценностью является и подруга. Ленивой Алисе иметь умную подругу выгодно: она даст списать задание, подскажет, выручит. А то, что Лиза, презираемая за бедность в классе, – это, по убеждению Алисы, даже хорошо. Ее легче купить: угостить апельсином, сводить в кафе «Шоколадница», предложить мороженое. Даже отношение к бабушке и отцу у Алисы строится на выгоде. Она умеет просчитывать любую ситуацию в свою пользу. Просчитала она и денежный интерес к самой лучшей ученице в классе. Не зная этого, Бедная Лиза помогает Алисе зарабатывать деньги, ибо отец оплачивал дочери ее пятерки и четверки. Романтичная Бедная Лиза, веря в бескорыстную дружбу, принимала от Алисы угощения как знак дружбы.

В одно из посещений «Шоколадницы» в кафе пришли телевизионщики и стали спрашивать посетителей, кто автор двух картин под одним названием «Шоколадница», в чем разница этих картин. Робкая Лиза вместо Алисы отвечала правильно на все вопросы. Телевизионщики были удивлены разницей уровня знаний одноклассниц. И стали в разных ракурсах снимать «сияющий лик» Лизы, чем-то напоминающий «Незнакомку» Блока. Алиса оказалась за рамками их внимания. Роли поменялись: Бедная Лиза стала «принцем», а «принц по крови» Алиса – «нищим». Алиса не желала быть нищей, а как снова стать принцем, она не знала. Не спасла в этом случае и роскошная новая дубленка. Та, которую она звала Бедной Лизой, оказалась богатой душевно, что и отразилось на ее «лик», а сама Алиса проявила свою душевную нищету. Даже в мыслях Алисы они поменялись местами.

Разговор о рассказе «Принц и нищий» – это разговор о разных представлениях о дружбе, о том, что знания, отражающиеся на лике человека, не купишь ни за какие деньги и не заменишь дубленками,

что люди бывают нищими и богатыми не только в материальном исчислении, но и в душевном, что значительно важнее, когда речь идет о человеческих отношениях, в том числе и о дружбе.

Обсуждение рассказа уместно начать с пересказа сюжета повести Марка Твена «Принц и нищий», о том, как уличный мальчишка Том Кенти и принц по крови Эдуард VI поменялись ролями и как почести нищего, принятого за принца, показались ему лишенными всякой цены.

Текст рассказа:

У Алисы любимое кафе – «Шоколадница». В бабушкины времена таких кафе в Москве было завалишь, и все дешевые. Бабушка утверждает: шоколад тогда сам во рту таял. Но Алиса не верит, что хорошее могло мало стоить. Все теперь знают: бесплатный сыр только в мышеловке. У отца это любимое изречение.

Отец с бабушкой абсолютно разные. Оно и понятно, бабушка верит в искусство, а отец – в бизнес. К тому же, бабушка – мама.

Мама между бабушкой и отцом, как лодка между двумя берегами. А Алиса на этой лодке – парус. Алиса всегда знает, в какую сторону ветер подует. Алиса то с бабушкой дружит, то с папой. В зависимости от ситуации.

Алиса умеет ситуацию просчитать. Она алгоритм выработала – шоколадной, сладкой жизни. Теперь «шоколадницы» в городе опять имеются, за соответствующую, конечно, цену. Но за ценой Алиса не постоит.

Отец у нее с понятиями: за хорошую учебу, сказал, будет стимулировать. Он же не хочет, чтобы Алиса неучем была. Он ей пообещал: пятерка – двести рэ, четверка – сто. Тогда Алиса с Бедной Лизой подружилась.

Бедная – это прозвище, из писателя Карамзина. Алиса, правда, не читала, но что-то такое слышала, а может, сериал просматривала. Сейчас многие литературу по сериалам проходят. А что, очень удобно, компактно, в сокращенном виде. Не в сокращенном это у них только Бедная Лиза и читает. Над учебниками вечно корпит. На уроках руку тянет.

Убогая она – вся в сэконд-хенд одета. Просто нечто! С Бедной Лизой никто не водился, мальчишки ее рюкзачком в футбол играли.

А Алиса рослая, когда она Лизу в свой расчет включила, мальчишек быстро разогнала, рюкзак у них вырвала и Лизе – в руки. Лиза теперь ей предана. Лиза думает, что она Алисе друг, на самом-то деле – раб! Алиса с Лизы чудненько списывает.

Подумаешь, списать, – мелочи жизни! Зато «пятерка» гарантирована. А это – двести рэ!

Бабушке про «рэ» Алиса, естественно, молчок. Бабушка же здесь ни при чем. Так зачем лишнее рассказывать! Но не подумайте, бизнес у Алисы честный... Она с «компаньонкой» расплачивается! Правда, той и невдомек, что это всего лишь плата. За услугу.

У Лизы романтизм в голове, она в бескорыстную дружбу верит. Ну, это ее проблемы. А так Алиса ей то апельсинку дает, то чипсы, а раза два Бедную Лизу с собой даже в кафешку пригласила. Шоколад пили с пирожными. Одной-то скучно. А тут тебе – и лакомство и беседа.

Лиза не только книги, она и картины обожает: мазок, там, палитра, колорит и всякое такое. Особенно Левитана и Поленова. Алисе эти фамилии (спасибо бабушке!) знакомы, ну еще, там, пара терминов в голове задержалась. Для поддержания разговора. А больше-то и не надо. Зачем, если ты – «принц крови». Образно говоря. Теперь все за деньги. У кого деньги есть, те и принцы!..

В тот день ничто не предвещало катастрофы. Алиса удачно сумела написать литературу: про «Метель», выстрелы всякие, барышень, которые крестьянки. Потом она сдула МХК, там вовсе глупости, для практической жизни никакого применения – зачем древние египтяне парики носили? Хотели и носили! Может быть, им холодно было. А Лиза про все это учит. Блажная! Она и ей, Алисе, тоже порывалась рассказать про египтян в париках. Алиса снисходительно минутку послушала, но дальше у нее терпения не хватило.

– Тебе что, дать списать жалко? – возмутилась она. – А еще подруга!

И Лиза устыдилась. Испугалась, наверное, что в кафе больше не пойдет. Так Алиса решила – про Лизу! А на самом деле, кто эту Лизу поймет, логика житейская ей не свойственна! Все романтики такие.

После школы Алиса запланировала «Шоколадницу». А там съёмочная группа какая-то, телевизионщики толкутся. Народу вопросы задают. Алиса обрадовалась, всю жизнь мечтала на телеэкране возникнуть. Дубленку сегодня новую надела, от Валентино, как чув-

ствовала. Алиса рванулась вперед. Лизу по привычке за руку тащит, в качестве приложения.

Телевизионщики оживились:

– Что, девочки, на вопросы ответить решили?

И пошло-поехало. Да кто автор «Шоколадницы»? (Картину такую выкопали.) Да почему художник ее рисовал? Да художников с такой фамилией, оказывается, было два! Да у кого пастель, у кого кавара-карава-джизм какой-то?

Телевизионщики странные попались, интеллектуалы прямо, для «Умников и умниц», что ли, снимают?

Алиса сначала промямлила нечто, но эти зубастые акулы эфира на смех подняли ее познания. И тут Лиза, хоть и робкая, а за подругу пожелала вступиться – вместо Алисы на вопросы отвечать стала. Так, с ходу, и режет! У телевизионщиков глаза загорелись, как лампочки. В запале они уже не по теме спрашивать принялись, из интереса:

– А как называлась прическа у древнеегипетского мальчика, знаешь?

Но Лиза им тут же:

– Локон юности!

– Во дает! – восхитился один из телевизионщиков, самый насмешливый.

Еще и издевается. На Алису покосился и спрашивает:

– Неужели вы и правда в одном классе учитесь? Уровни развития абсолютно разные!

А второй оператор снимал Лизу, снимал, а потом вслух – первому:

– Ну, это что-то! Посмотри, какой взгляд! Прям «Незнакомка» из Блока. У девочки явно есть лицо.

И все услышали.

И на Лизу с уважением посмотрели. На ее сияющий лик.

А на Алису – ноль внимания. Судьба-злодейка все перепутала, ролями их поменяла. Принца с Ницим.

Алиса из толпы выскочила. Злые слезы у нее так и брызнули на новую дубленку, как радиоактивный дождь. Алиса не желала быть Ницим!!! Но как опять в Принцы – она не знала. И неизвестно было, кому жаловаться: то ли бабушке, то ли папе.

А на улице весна совсем, в дубленке жарко уже. Алиса растянулась, а сосульки тают, капля противная прямо за шиворот затекла. Фу! Каникулы, правда, скоро, да радости никакой!

Алиса сделала шаг, потом еще... И остановилась. Она спряталась за афишной тумбой и стала ждать Лизу. Впервые в жизни она не смогла назвать ее Бедной. Даже в мыслях....

Вопросы для обсуждения:

1. Читали ли вы повесть Марка Твена «Принц и нищий»? Если читали, то расскажите, в чем сходство сюжетов рассказа Татьяны Кудрявцевой и повести Марка Твена? Если не читали, то я вам расскажу кратко его сюжет.

2. Что, по-вашему, имела в виду писательница, озаглавив рассказ «Принц и нищий»? Кого из героев рассказа – Алису или Лизу – можно назвать принцем, а кого нищим, и почему?

3. На чем была основана дружба богатой Алисы и бедной Лизы? Как понимали дружбу та и другая одноклассницы? В чем разница?

4. Можно ли назвать эту дружбу настоящей? Почему?

5. Чем покорила телевизионщиков Лиза? Почему именно ее они стали снимать, а не Алису? Что значит выражение: «У девочки явно есть лицо»? Было ли такое лицо у Алисы?

6. Почему Алиса, считая Лизу убогой, раньше звала ее Бедная Лиза по имени героини повести Карамзина? А после посещения «Шоколадницы», где встретились с телевизионщиками, даже в мыслях не смогла ее назвать бедной?

7. Зачем Алисе была нужна Лиза, а Лизе – Алиса? Было ли равенство в их дружбе?

8. Согласны ли вы с утверждением Алисы «У кого деньги есть, те и принцы»? Подтвердил ли это мнение прочитанный вами рассказ? Как попасть снова в принцы, Алиса не знала, что вы могли бы ей подсказать?

9. Как, по-вашему, сложатся дальнейшие отношения между Алисой и Лизой?

10. Какое у вас оставил впечатление этот рассказ? Какое вызвал настроение? На какие мысли о дружбе вас навел?

О рассказе Татьяны Кудрявцевой «Размышляй, Фроликов!»

Этот рассказ и рассказ «Принц и нищий», помещенные в книге «Для тех, кто не любит читать» (2006), петербургская писательница Татьяна Кудрявцева объединила темой роста человека «не только вверх, но и вглубь – умом и сердцем». В данном случае они объединены темой дружбы. Если в первом рассказе дружба строится на эксплуатации одним человеком другого, то во втором – знающий друг помогает пробудить интерес к знаниям у другого. Здесь дружба – стимул для развития человека. Для «нормального» Фроликова, московского школьника, который, как и большинство современных ребят, обзавелся дискетами, кассетами, аудио-видео и т.п., знакомство с петербургской сверстницей Катей стало новым этапом жизни. Он понял, как мало он знает по сравнению с ней. И это осознание себя «неинтересным» стало точкой рождения неудовлетворенности собой, а значит, стимулом для движения вперед.

Если до встречи с Катей оценка «тройка» мальчишку вполне удовлетворяла, то после встречи с ней от очередной тройки – показателя серости – у него «червячок какой-то в душе закопошился». Он убедился, что для интересного, взаимообогащающего общения с девочкой у него не хватает знаний. Размышления о себе и о Кате привели Фроликова неожиданно для самого себя в музей, вроде бы «ради смеха», а на самом деле, чтобы при встрече с Катей он не выглядел нищим умом и сердцем, чтобы ему было, что рассказать ей, когда она приедет в Москву. Разговор о дружбе как стимуле роста человека и должен стать предметом обсуждения рассказа, а наказ учительницы Фроликову «Размышляй!» – девизом общего разговора.

Текст рассказа:

Всю жизнь Валерка считал себя самым, что ни на есть, нормальным. Чем и гордился. Не зануда, не выскочка, не тихоня, не дурак. Не отличник, конечно, ну да кто в наше время отличник! Главное, за чем? С компьютером он «на дружеской ноге» и с «инглишем», и будь спок! Все остальное прикладное.

Так нет же... «Размышляй, Фроликов, размышляй!». Географичка, в пылу даже указкой взмахнула, зациклилась на муссонах. Была

нужда ему размышлять, какие ветры дуют в Центральной Африке! Выйдет в Интернет и узнает, в случае чего.

Правду говорят, что третья четверть – самая зверская: длиннючая, холоднючая, а, главное, все праздники в прошлом, вот учителя из себя и выскакивают, цепляются.

«Неинтересный ты человек, Фроликов. Беда...» – сказала ему географичка, вздохнула и вывела в журнале... Валерка вытянул шею... нет, не пару, три балла.

Раньше бы он обрадовался: тройка есть, и хватит, недаром эту отметку так и называют – «удовлетворительно». А тут червячок какой-то в душе закопошился, вспомнилось, как Катя сказала: «Тройка даже хуже, чем двойка. Ни то, ни сё, серость». И интонация у нее была точь-в-точь как сейчас у Беды. Бедой они географичку прозвали. У нее «беда» – любимое слово, а фамилия Бедова!

А у Кати фамилия Вишнева, она говорит: как у балерины. Катя и сама похожа на балерину. Наверное. Если б она была космонавтом и оказалась в невесомости, ее бы носило как щепку. Странно, никакой особой красоты в Кате нет, сейчас все девчонки косметикой пользуются чуть не с детского сада, а она даже без маникюра, и ногти коротко острижены, чтобы играть не мешали. А играет не на органале, не на электрогитаре, антикварный какой-то инструмент, домбра называется. Валерка раньше и не слышал про такое. Коротче, крутизны в Кате никакой, факт, а лицо почему-то запоминается, щелк, как «фото-момент», и стоит в памяти.

Катина мать Валеркиной матери подруга, они в Москву на Новый год в гости приезжали из Питера. Питер-то у Москвы под боком, а такое впечатление, что с другой планеты прибыли, батон булкой называют, проездной – карточкой. И вообще... Разговаривают будто вполголоса. И мороженое на улице не едят, домой приносят, на блюдечки кладут. Умора, конечно.

Катя к Валерке в комнату заглянула, покажи, говорит, свои книжки. Валерка так и сел. Какие в наш век могут быть книжки! У Валерки дискеты, кассеты, аудио-видео и т.д. Словом, стыдиться нечего, – классный набор. А он вдруг ни с того ни с его покраснел и соврал: книжки, мол, все детскому дому пожертвовал, в классе акция была, это... милосердия. Катя на него посмотрела с уважением, ну, застрелись!

А потом они вышли на улицу, в их переулок Васнецова, и Катя как заговорит про Москву... Как будто у нее компьютер внутри, столько

информации! И что это – район Мещанских улиц, и как раньше каждая называлась, и кто там жил! Даже как в старой Москве чай пили. А Валерке сказать было нечего, у него по истории тройка...

Все эти мысли проносились у Фроликова в голове, пока он топал после школы по Садовому кольцу, неудовлетворенный ни сегодняшним днем, ни своими «успехами» в географии, ни вообще жизнью. Фроликов размышлял. Занятие, конечно, не современное, но иногда помогает. А дальше Фроликов выкинул вообще непредсказуемый номер. Он мимо музея проходил. В котором про старомосковский быт рассказывают. Взял и вошел. Ради смеха. Валерка никому не собирался про это сообщать. Разве что Кате. Вдруг она на весенние каникулы в Москву придет...

Вопросы для обсуждения:

1. Как вы поняли название рассказа? Соответствует ли оно содержанию рассказа? Заставило ли оно вас самих размышлять? Если «да», то о чем?

Фроликов считал себя «нормальным» школьником. Что он вкладывал в это слово? Согласны ли вы с его мнением, что ему есть чем гордиться?

2. Интересный ли человек Фроликов? Хотелось ли вам быть таким, как он?

3. Раньше тройки по школьным предметам Фроликова вполне удовлетворяли. Почему, получив тройку по географии на этот раз, он был недоволен? Почему ему сразу вспомнилась Катя – питерская гостья? Что в Кате было такого, что отличало ее от других девчонок?

4. Почему отсутствие книг в комнате Фроликова заставило его покраснеть и придумать благовидную причину?

5. В какой момент встречи с Катей Фроликов понял, что в сравнении с ней он очень мало знает? И почему это затронуло его самолюбие?

6. Он сам считал, что зашел в музей старомосковского быта ради смеха. А как вы считаете, что подтолкнуло его туда зайти?

7. Как объяснить, что никому об этом кроме Кати он сообщать не собирался? Почему ему было важно, чтобы она об этом узнала?

8. Можно ли считать отношения Фроликова и Кати дружбой?

Дополнительная литература по теме:

Нагибин Ю. «Нас было четверо»

Воронкова Л. «Гуси-лебеди»

Погодин Р. «Книжка про Гришку»

Арро В. «Мой старый дом»

Журавлева З. «Ожидание»

Мурашова Е. «Полоса отчуждения»

Иванов С. «Тринадцатый год»

Железников В. «Чучело»

Крапивин В. «Мушкетер и фея»

Тендряков В. «Весенние перевертыши»

«В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО ПРИРУЧИЛ»

О теме

Способность отдавать себя другому – величайшее нравственное завоевание человека. «Чуткость, отзывчивость, человечность наших питомцев, – писал В. Сухомлинский, – могут утвердиться лишь тогда, когда каждый ребенок что-то или кого-то “приручит”, что-то одухотворит, во что-то вложит свою душу». Соучастие в жизни другого рождает полноту счастья. Величайший философ Древней Греции Аристотель писал, что счастье – это деятельность души, вызванная ощущением связи с другим человеком, участием в его жизни. Как говорит пословица, «дверь к счастью открывается наружу», то есть к другим людям. Один мудрый человек сказал, что душа – это пространство внутри человека, которое заполнено другими людьми. Чем больше людей в этом пространстве, тем духовно богаче и значительнее человек.

Московская учительница Инна Кабыш задала вопрос по «Маленькому принцу»: «Надо ли стремиться к тому, чтобы тебя приручили, если, расставаясь с приручившим, испытываешь боль? Первоклассник отвечает: «Надо»!». – «Почему?» – спросила она. «Потому что боль, – ответил *ее* ученик, – лучше, чем ничего»... Будем надеяться, что многие и *наши* дети, ученики или читатели, участники обсуждений, предпочтут душевную боль, связанную с другим человеком, – пустоте.

Рекомендуем обсудить:

1. Токарева В. «Самый счастливый день»
2. Погодин Р. «Что у Сеньки было»
3. Драгунский В. «Сестра моя Ксения»
4. Приставкин А. «Фотографии»

О рассказе Виктории Токаревой «Самый счастливый день»

Рассказ Виктории Токаревой схож по названию с рассказом Юрия Томина «Счастливый день», о котором шла речь в разделе «Дружба». И вместе с тем этот рассказ не похож ни на какой другой. Он открывает в привычном – необычное, в знакомом – нечто новое, в сегодняшнем дне – связь с прошлым и будущим. Мама героини-восьмиклассницы говорит, что на сострадании, на соучастии держится мир, и это тоже талант, который доступен немногим. Именно таким талантом и обладает наша школьница. И хоть кажется, что желания ее очень будничны – иметь дубленку, перейти в следующий класс, познакомиться с артистом, главное для нее в другом – в ее убеждении: когда одному человеку плохо, то и другому пасмурно. Никто не бывает счастлив на сто процентов, считает она, а вот любить на сто процентов можно, как любит она своих маму и папу, как любит бабушку. Вот почему в своем сочинении «Самый счастливый день в моей жизни» она не стала писать о полезных делах, а написала о своей поездке с отцом к бабушке, о том, как они сидели вместе на кухне и ели рыбу. Но дело не в еде, как пишет она, а в обстановке. «Меня все любили и откровенно восхищались мной. И я тоже всех любила на сто процентов и тем самым приносила пользу. У меня глаза папины, у папы – бабушкины... Мы глядели друг на друга одними и теми же глазами и чувствовали одно и то же. И были как дерево: бабушка – корни, папа – ствол, а я – ветки, которые тянутся к солнцу».

На эту кровную связь человека с близкими людьми и следует обратить внимание при обсуждении рассказа и дать почувствовать детям, как это прекрасно осознавать себя необходимым для тех, кто рядом, а их – необходимым тебе.

Текст рассказа:

***Н**ам задали классное сочинение на тему «Самый счастливый день в моей жизни». Я раскрыла тетрадь и стала думать – какой у меня был в жизни самый счастливый день? Я выбрала воскресенье – четыре месяца назад, когда мы с папой утром пошли в кино, а после этого сразу поехали к бабушке. Получилось двойное развлечение. Но наша учительница Марья Ефремовна говорит: человек бывает по-*

настоящему счастливым только в том случае, когда приносит людям пользу. А какая польза людям от того, что я была в кино, а потом поехали к бабушке? Я могла бы не учитывать мнение Марьи Ефремовны, но мне надо исправить оценку в четверти.

Я заглянула в тетрадь своей соседки Ленки Коноваловой. Ленка строчила с невероятной скоростью и страстью. Ее самый счастливый день был тот, когда ее принимали в пионеры.

Я перегнулась вправо и заглянула в тетрадь Машики Гвоздевой. Она сидит впереди меня. Я там ничего не разобрала, но Машка наверняка пишет, что самый счастливый день был тот, когда в кабинете взорвался старый синхрофазотрон и им дали новый. Эта Машка просто помещена на схемах и формулах. У нее выдающиеся математические способности, и она уже знает, куда будет поступать. У нее есть смысл жизни. А у меня единственное, что есть, это большой словарный запас, мне в музыкальной школе поручают доклады о жизни и творчестве композиторов. И еще я объявляю на концертах, например: «Сонатина Клементи, играет Катя Шубина, класс педагога Россоловского». У меня даже не литературные способности, просто я знаю много слов, потому что много читаю. Это у меня от папы. Но знать много слов совсем не обязательно. Мальчишки в нашем классе вполне обходятся шестью словами: точняк, нормалек, спокуха, не кисло, резко, структура момента. А Ленка Коновалова любую беседу поддерживает двумя предложениями: «Ну да в общем-то...» и «Ну в общем-то конечно...». И этого оказывается вполне достаточно: во-первых, она дает возможность говорить собеседнику, а это всегда приятно; во-вторых, поддерживает его сомнения. «Ну да в общем-то...», «Ну в общем-то конечно».

Неделю назад я слышала по радио передачу о счастье. Там сказали: счастье – это когда чего-то хочешь и добиваешься. А очень большое счастье – это когда чего-то о ч е н ь хочешь и добиваешься. Правда, потом, когда добьешься, счастье кончается, потому что счастье – это дорога к осуществлению, а не само осуществление.

Чего я хочу? Я хочу перейти в девятый класс и хочу дубленку, вместо своей шубы, в которой я как в ящике. Мальчишки у нас в раздевалке режут бритвой рукава и срезают пуговицы. Так что дубленку носить в школу рискованно, а большие я никуда не хожу... А чего я очень хочу? Я очень хочу перейти в девятый класс, поступить в МГУ на филологический и познакомиться с артистом В.В. Мама говорит, что в моем возрасте свойственно влюбляться в артистов. Двадцать

лет назад она тоже была влюблена в одного артиста, и весь класс сходил с ума.

Но мама меня не понимает, я вовсе не влюблена в В.В. Просто он играет д'Артаньяна, и так он замечательно играет, что кажется, будто В.В. – сам д'Артаньян, талантливый, неожиданный, романтический. Не то что наши мальчишки: «точняк», «нормалек» и ниже меня на два сантиметра.

Ленка Коновалова перевернула страницу – исписала уже половину тетрадки. А я все сижу и шарю в памяти свой самый счастливый день.

Вообще, если честно, мои самые счастливые дни – это когда я возвращаюсь из школы и никого нет дома. Я люблю свою маму. Она на меня не давит, не заставляет заниматься музыкой и есть с хлебом. При ней я могу делать то же самое, что и без нее. Но все-таки это не то. Когда ее нет дома, в дверях записка: «Еда на плите. Буду в шесть. Ты дура. Целую. Мама».

Когда я выхожу из лифта и вижу записку, я радуюсь возможности жить как хочу и не приспособливаться. Я захожу в дом. Ничего не разогреваю, а ем прямо со сковородки. Руками и в шубе. Холодное гораздо вкуснее. Горячее отбивает вкус.

Потом я включаю проигрыватель на полную мощность и зову в гости Ленку Коновалову. Мы с ней вырываем из шкафа все мамнины платья, начинаем мерить их и танцевать.

Потом Ленка уходит. Я сажусь в кресло. Закутываюсь в плед и читаю. Я читаю и вижу перед глазами В.В. – и мне бывает грустно. Иногда мне кажется, что жить невыразимо прекрасно. А иногда мне становится все неинтересно, и я спрашиваю у мамы:

– Зачем люди живут?

Она говорит:

– Для страданий. Страдания – это норма.

А папа говорит:

– Это норма для дураков. Человек создан для счастья.

Мама говорит:

– Ты забыл добавить – как птица для полета. И еще можешь сказать – жалость унижает человека.

Папа говорит:

– Конечно, унижает, потому что на жалость рассчитывают только дураки и дуры. Умные рассчитывают на себя.

А мама говорит, что жалость – это сострадание, соучастие в

страдании, и на нем держится мир, и это тоже талант, который доступен не многим даже умным.

Но, вообще, честно сказать, я считаю: человек должен быть эгоист. Чтобы ему было хорошо. Потому что когда ему хорошо, то и другим вокруг него тоже хорошо. А если одному плохо, то и остальным пасмурно... Так ведь не бывает, чтобы человек горел на костре, а вокруг него ближние водили хороводы.

Однажды, год назад, на нашей улице маленький мальчишка попал под машину. Все побежали смотреть, а я побежала домой. Я тогда ужасно испугалась, но не за себя, а за моих родителей. Я и сейчас боюсь: вдруг со мной что-нибудь случится – попаду под машину или вырасту и выйду замуж? На кого я их оставляю? И что они будут делать без меня?..

Загоруйко подошел к Марье Ефремовне и сдал тетрадь. Я посмотрела на часы. Осталось шестнадцать минут. Раздумывать большие некогда, иначе мне поставят двойку, не переведут в девятый класс... Я решила написать, как мы сажали вокруг школы деревья. Я вспомнила, как тащила полное ведро чернозема, чтобы засыпать лунку и дерево лучше прижилось. Подошел Загоруйко и предложил:

– Давай помогу.

– Обойдусь, – отказалась я и поволокла ведро дальше. Потом я высыпала землю в лунку и разжала ладони. На ладонях был след от дужки ведра – глубокий и синий. Плечи ныли. Но что бы там ни было, а дерево прижилось и останется будущим поколениям. И значит, за содержание Марья Ефремовна поставит мне пятерку, а ошибок у меня почти не бывает.

Я снова посмотрела на часы. Осталось одиннадцать минут. Я встряхнула ручкой и принялась писать о том дне, когда мы с папой пошли утром в кино, а после поехали к бабушке. И пусть Марья Ефремовна ставит мне что хочет. Все равно эгоистки из меня не получится.

Я написала, что кинокомедия была ужасно смешная, с Де Фюнесом в главной роли, и мы так хохотали, что на нас даже оборачивались. А у бабушки было как всегда. Мы сидели на кухне и ели очень вкусную рыбу. Но дело ведь не в еде, а в обстановке. Меня все любили и откровенно мной восхищались. И я тоже всех любила на сто процентов и тем самым приносила огромную пользу. У меня глаза папины, у папы бабушкины – карие, брови домиком. Мы глядели друг на друга одними и теми же глазами и чувствовали одно и то же.

И были как дерево: бабушка – корни, папа – ствол, а я – ветки, которые тянутся к солнцу.

И это было невыразимо прекрасно.

Конечно, это был не самый счастливый день в моей жизни. Просто счастливый. А самого счастливого дня у меня еще не было. Он у меня впереди.

Вопросы к обсуждению:

1. Понравилась ли вам героиня этого рассказа? Какое она у вас оставила впечатление?

2. Почему девочка не стала писать сочинение о своих полезных делах, как на это рассчитывала учительница, а написала просто о поездке к бабушке?

3. Какой оценки, по-вашему, заслуживает ее сочинение?

4. Все одноклассники кажутся школьнице талантливыми, кроме нее самой. Согласны ли вы с ее мнением, что у нее «ни рук, ни мозгов – один словарный запас?» А каким запасом душевных качеств обладает она? Разделяете ли вы ее мнение, что эгоистки из нее не получится? Что в ее характере вам кажется самым ценным?

5. Девочка считает, что любить – это и значит приносить пользу. Согласны ли вы с этим утверждением? Как вы понимаете его смысл?

6. Почему автор сочинения считает, что поездка к бабушке была просто счастливым днем, а самый счастливый у нее – еще впереди? Каким, по-вашему, будет для нее самый счастливый день? Был ли такой день в вашей жизни? Если не было, то каким он рисуется в ваших мечтах?

7. Если бы вам задали написать такое сочинение, о чем бы каждый из вас написал?

О рассказе Радия Погодина «Что у Сеньки было»

Герой рассказа Сенька, житель деревни Малявино, ощущает кровную связь не только с теми, кто живет с ним под одной крышей, но и со всей землей, птицами – оседлыми и перелетными, деревьями, горячей пылью на дорогах, с небом и солнцем. Весь большой мир носит он в своем сердце, как и мир носит Сеньку – в своем. А если человеку

плохо, то Сеньку «словно холодом обдавало, словно ветер из многих щелей, а заткнуть их нечем». Правда, появилось однажды у Сеньки желание покинуть родную землю и уйти в «огромный» город. Злое чувство поселилось в нем – не захотел он делить все, что у него было, даже с родной сестрой, но, поднявшись на большой бугор, увидел он свою деревню открытую, и «от своей земли, от ее прекрасного широкого вида почувствовал Сенька в сердце тепло». И понял он: никуда ему от своей земли не уйти. Не сможет жить без него и пес Яшка, и теленок, скачущий во ржи, не могут без него остаться даже каменные кресты старинные – память о древних пахарях-воинах, поднявших эту землю, и еще понял он, что делить это ему ни с кем не нужно – неделимое оно. У каждого оно свое, хоть одно и то же. За все это он в ответе, как и мир в ответе за него.

Осознание причастности ко всему, что нас окружает, ощущение родства с людьми. Они «потому мои, что я ихний» – вот пафос рассказа. Углубить его призвано обсуждение.

Фрагменты текста рассказа:

А были у него мать и отец.
Пес Яшка, свободной деревенской породы – и добрый, и злой.
Кошка Тоня с котятами.
Зорька – корова.
Васька – поросенок.
Десять простых овец. Петух Петя с разноцветными курицами.
Изба высокая. А на окнах белые занавески.
Были у Сеньки огород с садом и деревня Малявино – тесовые крыши, насквозь пропахшая медом с окраинных лугов да горячими пирогами.
Все деревенские жители были Сенькиными.
Все птицы оседлые, все птицы пролетные, все букашки и золотые пчелы, вся лесная тварь и озерная и та, что в реке, та, что в ручьях и болотах, по Сенькиному малолетнему разуму, жили – старались для него, Сеньки. И деревья, и неподвижные камни, и горячая пыль на дорогах. И небо. И солнце. И тучи.
За деревней, которую Сенька ощущал насквозь до последней щели в заборе, до оброненного случайно гвоздя, начинался другой мир – побольше Сенькиного. Сенька проникал в него только с самого края, возле деревни...

Сенька с кем пожелает, с тем и поговорит. С теленком – по-телячьи, со скворцом – по-скворчиному. И по-собачьи мог. И по-букашечьи. Даже шмелей понимал.

Устанет Сенька гулять, пойдет в любую избу:

–Здрасьте. Дайте попить молочка. Мне до дому еще вон сколько идти, а я уже есть хочу.

– Садись, Сенька, – говорят ему люди-соседи. Молоко наливают в кружку. Отрезают мягкого хлеба или пирога – что найдется. Спросят:

– Как живешь? – Еще по голове погладят.

Поест Сенька, попьет и дальше направится. К старику Савельеву заглянет непременно.

–Дед Савельев, у тебя пчелы над ульями так и гудят – сердятся. Наверно, в ульях столько накопилось меду, что пчелам и посидеть уже негде... Дай медку полизать.

– А полижи, – скажет старик Савельев и нальет Сеньке меду на блюдечко.

Сенька и в сельмаг зайти сможет. В сельмаге ему пряник дают...

Кроме деревни Малявино, с окрестной пахучей землей, кроме большого мира с дорогами и лесами, был у Сеньки еще третий мир – «огромный». Сенька не видел его даже с краешка, но знал, что он где-то есть, там, далеко-далеко.

В «огромном» мире все «огромное». Высоченные города с башнями. Широкие реки с пароходами. Синие моря с каменными островами. И великие океаны, у которых нет ни конца, ни края, ни середины.

«Огромного» мира Сенька боялся. Он иногда думал:

«Если уйти в такую даль, то как же меня отец с матерью докричатся? Как же деревенские жители-соседи могут меня по голове погладить?» Всего один раз видел Сенька пришельца из того «огромного» мира не на картинках, не на белом светящемся полотне, а прямо над головой.

Сверкающий аэроплан пронесся над самой деревней. Рожь полегла. Березы и елки ходуном заходили. Озеро волной заплескало. И долго в ушах грохот стоял, а в глазах пелена.

Однажды, когда отец на заре ушел на покос, Сенька забрался к мамке в кровать и спит себе.

Мать погладила его по голове – разбудила.

– Сенька, спишь?

– Не, проснулся уже.

– Сенька, у тебя скоро брат будет. Хочешь?

– Хочу, – сказал Сенька. – Я его нянчить стану. – И опять уснул.

Мать опять говорит-будит.

– Вот и ладно, – шепчет. – Он тебя, Сенька, будет любить.

– И поцеловала его горячими губами прямо в губы.

Мать оделась быстро, заставила Сеньку молока поест с остывшей ватрушкой и ушла на работу...

Сенька поговорил с Яшкой-псом: мол, Яшка, скоро у меня брат будет. Пес на эти слова и внимания не обратил, знай себе скачет – пытается Сеньку лизнуть в нос...

Встретил председателя:

– У меня брат будет.

– Ага, – сказал председатель. – Подпирает тебя жизнь. Значит, теперь ты быстрее станешь расти.

– А я не хочу, – заревел Сенька. И вдруг понял, что не нужен ему этот брат. И никто ему больше не нужен. Всё у него есть, ни с кем он этого делить не желает. Ни мамку свою, ни отца, ни деревню Малявино, ни соседей, ни дорожек прохоженных... Чувствовал Сенька, не понимал еще, только чувствовал, что с братом либо делиться придется, либо всё отдать ему целиком. Жадным Сенька никогда не был, но стало ему тоскливо от таких мыслей...

Сенькиной матери понадобилось поехать в соседнюю большую деревню Засекино по колхозным делам.

И на тебе: приезжает она оттуда – отец ее встречать на лошади отправился, – вылезает из коляски, а у нее на руках пищит...

Встречные соседи спрашивают:

– Ну кто?

Отец отвечает:

– Дочка.

Соседи Сеньку не спрашивают: «Как живешь?» Только мимоходом проведут по голове пальцем и еще щелкнут. Сенька голову в плечи втягивает, чтобы не касались...

«Говорили – брат, – думает Сенька рассеянно. – А вовсе сестра. И не в мамку она, и не в папку. А вовсе еще никакая – нахалка».

– Будет у нас в деревне еще одна девушка, – улыбаются люди-соседи. – А то все парни да парни...

Председателя встретили. Он ни о чем не спросил, он все знал сам. Поговорили они с отцом о колхозном деле.

– Сенька-то у тебя возмужал, – сказал председатель вдруг. – Всё шкетиком был, а сегодня, смотри, – мужик...

Мамка в доме ходила тихая, легкая. Смотрела по-верху, а если останавливался ее взгляд, то на белом сверточке с кружевами, из которого доносилось дыхание. Мамкины губы складывались колечком, и на бледных щеках зажигался румянец.

– Сенька, – сказала она, – ты тут не вертись и не топай.

А Сенька и не вертелся. Он сидел в уголке за кроватью на низкой скамеечке, которую ему отец сделал давным-давно и которую пес Яшка прогрыз, когда был совсем маленьким пузатым щенком.

«Я теперь из дома уйду, – думал Сенька. – Буду один жить. Может, в деревню Засекино пойду. А может, к дальнему морю, в огромный город, где делают аэропланы. А может, даже в саму Москву. Пусть отец с матерью без меня будут, со своей дочкой».

– Пора уходить, – сказал себе Сенька. – Теперь я для них совсем лишний...

Пошел Сенька.

На дороге петуха встретил.

Петух ему вслед по-петушиному: «Ко-ко-ко...». Сенька обернулся. Стало ему удивительно – не понял Сенька по-петушиному.

– Прощай, – сказал Сенька.

Уже за деревней встретил он привязанного к березе теленка-бычка.

«Му-у-у», – сказал теленок.

И по-телячьи Сенька не понял. Он понял другое: веревка, которой теленок привязан, вся в узлах, значит, обрывал ее теленок не один раз. Тесно теленку возле березы, всю траву поел, истоптал. Хочется теленку побежать на простор.

Он погладил телячий лоб, почесал бугорки-рога. Теленок в ответ ресницами помигал, ухватил Сенькин рукав губами.

– Ишь ты, совсем еще сосунок, – сказал ему Сенька. – Расти быстрее.

Пошел Сенька дальше по своей незнакомой дороге. Уже целый час прошагал. В том месте, где дорога раздваивалась, чтобы попасть одной отвилкой в деревню Засекино, другой отвилкой в город, нагнал Сеньку председатель колхоза. Ехал он в конной коляске.

– Здорово, мужик, – сказал председатель. – Куда путь держишь?..

– В огромный город, где строят аэропланы.

– А дорогу-то знаешь?

– Найду, – сказал Сенька храбро.

– Ты, чтобы не плутать, вот на этот бугор залезь. С него далеко видно. Вот ты с него и прицелься.

– Ладно, – сказал Сенька. Показалось ему, что в председателевых словах есть правда.

Когда председатель отъехал и уже не стало его видно, Сенька свернул с дороги на тропку, что вела к большому бугру над озером...

Слышал Сенька, что стоит бугор здесь с давних времен и оттого он такой крутой и ровный, что насыпали его руками. Что раньше было на нем поселение. Проживали за толстыми стенами, сложенными из бревен, древние солдаты по названию богатыри. Охраняли от врагов эту землю и сами ее пахали.

До бугра Сенька за свою жизнь ни разу на него не всходил.

Поднимается Сенька еще выше.

А земля становится все шире.

А когда Сенька поднялся на самый верх, стало ему далеко видно вокруг. И сомкнулся тогда Сенькин мир малый с большим миром и огромным, так как земля Сенькина уходила вдаль на необъятные расстояния.

А своя деревня Малявино лежала перед Сенькой вся открытая. Теленок от березы оторвался, убежал в колхозную рожь и скакал в ней, обалдев от свободы. Трактор уже поле пахал. Вокруг разноцветные поля простирались...

Деревенские жители кто на лошади сено возит, кто граблями работает, кто с коровами. Всех сверху увидел Сенька. И поезд увидел, что идет за лесом. Даже город дальний на горизонте.

Увидел еще своего пса Яшу – скучный лежит возле будки, почувял Сенькино отсутствие. Некому ему нос лизнуть, некому показать свою верность.

На верхушке бугра – некоторые Сеньке по пояс, некоторые до плеч – торчали в траве да во мху каменные кресты старинные, память о древних пахарях-воинах, которые подняли эту землю первыми.

От своей земли, от ее прекрасного широкого вида почувствовал Сенька в сердце тепло.

«Ух ты, – подумал он, – куда от такой земли уйдешь, если она моя! И мамка моя, и отец, и сестренка, и все люди-соседи, и птицы пролетные, и птицы оседлые – все мои. И старый дед Савельев, и совсем старая бабка Вера. Потому мои, что я ихний». Подумал Сенька еще, что делить это ему ни с кем не нужно – неделимое оно. У каждого

оно свое. Хоть и одно и то же. Долго стоял на бугре Сенька среди изъеденных годами старинных крестов.

– И кресты мои, – сказал он.

Вопросы к обсуждению:

1. Какие три мира было у Сеньки? И почему ближний мир ему дороже всего? За что его любили и он любил всех?

2. Почему Сенька боялся «огромного» мира? Какие мысли ему приходили в голову в связи с этим миром?

3. Как встретил Сенька появление на свет его сестры?

4. Всех животных, птиц, даже шмелей Сенька понимал, а вот когда собрался уйти из деревни, то не понял он ни «по-петушиному», ни «по-телячьи», как и они не поняли его. Почему?

5. Почему Сенька раздумал покинуть деревню именно в тот момент, когда поднялся на бугор? Что открылось его взору?

6. До появления сестры Сенька тоскливо думал, что придется ему делить с ней все, что у него было, а потом решил, что нельзя делить, а надо целиком отдать все, ибо «неделимое оно». Как вы понимаете ход мысли Сеньки? Разделяете ли вы его?

7. Кого или что вы сами цените больше всего в жизни, с чем не могли бы расстаться? Расскажите.

О рассказе Виктора Драгунского «Сестра моя, Ксения»

Иначе, чем Сенька в рассказе Радия Погодина, повел себя Дениска Кораблев, когда узнал, что у него появилась сестра, и когда увидел ее в «свертке» на руках у матери. До этого времени он сидел на подоконнике, смотрел на прохожих и скучал. Но его как ветром сдуло, когда папа, «влетев в комнату», сообщил, что сейчас придет мама. С небывалой энергией Денис принялся за уборку в комнате, представляя себя матросом на корабле, где раздалась команда «аврал!». От одной мысли, что вот-вот появится мама, у Дениски разыгралась фантазия, она была через край и ему было все ни почем. А когда пришла мама со свертком в руках и протянула ему этот сверток, это был целый оркестр чувств: ведь в свертке была его сестренка Ксения. Когда все сели обедать, Дениска вскакивал каждую минуту посмотреть

на «Ксеньку». Самое главное произошло во время купания сестренки. Денис увидел, как испугалась она, когда ее опустили в воду, словно она прощалась с жизнью. И он тут дал сестре свой палец, за который та ухватилась, как утопающий за соломинку. Денис почувствовал в этот миг, что она ему одному доверяет свою жизнь: держится за палец старшего, сильного и смелого брата. «И когда я обо всем этом догадался, когда я понял, наконец, как ей трудно, бедняге, и страшно, я сразу стал ее любить». Появившееся в мальчике чувство ответственности за слабое существо – вот что придало ему душевную силу и вызвало любовь к той, которая в защите нуждалась больше всего.

.....
Текст рассказа:

Один раз был обыкновенный день. Я пришел из школы и влез на подоконник. Мне давно уже хотелось посидеть у окна, поглядеть на прохожих и самому ничего не делать. А сейчас для этого был подходящий момент. И я сел на подоконник и принялся ничего не делать. В эту же минуту в комнату влетел папа. Он сказал:

– Скучаешь?

Я ответил:

– Да нет... Так... А когда же наконец мама приедет? Нету уже целых десять дней!

Папа сказал:

– Держись за окно! Покрепче держись, а то сейчас полетишь вверх тормашками!

Я на всякий случай уцепился за оконную ручку и сказал:

– А в чем дело?

Он отступил на шаг, вынул из кармана какую-то бумажку, помаhal ею издали и объявил:

– Через час мама приезжает! Вот телеграмма! Я прямо с работы прибежал, чтобы тебе сказать! Обедать не будем, пообедаем все вместе, я побегу ее встречать, а ты приberi комнату и дожидайся нас! Договорились?

Я мигом соскочил с окна:

– Конечно, договорились! Урра! Беги, папа, пулей, а я приберусь! Минута – и готово! Наведу шик и блеск! Беги, не теряй времени, вези поскорее маму!

Папа метнулся к дверям. А я стал работать. У меня начался ав-

рал, как на океанском корабле. Аврал – это большая приборка, а тут как раз стихия улеглась, на волнах тишина, – называется штиль, а мы, матросы, делаем свое дело.

– Раз, два! Ширк-шарк! Стулья, по местам! Смирно стоять! Венник-совок! Подметать – живо! Товарищ пол, что это за вид? Блестеть? Сейчас же! Так! Обед! Слушай мою команду! На плиту, справа по одному (повзводно), кастрюля за сковородкой, – становись! Раз-два! За-певай:

*Папа только спичкой
чирк!*

*И огонь сейчас же
фырк!*

Продолжайте разогреваться! Вот. Вот какой я молодец! Помощник! Гордиться нужно таким работником! Я когда вырасту, знаете кем буду? Я буду – ого! Я буду даже ого-го! Огогугаго! Вот кем я буду!

И я так долго играл и выхвалялся напропалую, чтобы не скучно было ждать маму с папой. И в конце концов дверь распахнулась, и в нее снова влетел папа! Он уже вернулся и был весь взбудораженный, шляпа на затылке! И он один изображал целый духовой оркестр и дирижера этого заодно. Папа размахивал руками.

– Дзум-дзум! – выкрикивал папа, и я понял, что это бьют огромные турецкие барабаны в честь маминого приезда.

Пыхь-пыхь! – поддавали жару медные тарелки. Дальше началась уже какая-то кошачья музыка. Закричал сводный хор в составе ста человек. Папа пел за всю эту сотню, но так как дверь за папой была открыта, я выбежал в коридор, чтобы встретить маму.

Она стояла возле вешалки с каким-то свертком на руках. Когда она меня увидела, она мне ласково улыбнулась и тихо сказала:

– Здравствуй, мой мальчик! Как ты поживал без меня?

Я сказал:

– Я скучал без тебя.

Мама сказала:

– А я тебе сюрприз привезла!

Я сказал:

– Самолет?

Мама сказала:

– Посмотри-ка!

Мы говорили с ней очень тихо. Мама протянула мне сверток. Я взял его.

– Что это, мама? – спросил я.

– Это твоя сестренка Ксения, – все так же тихо сказала мама. Я молчал. Тогда мама отвернула кружевную простынку, и я увидел лицо моей сестры. Оно было маленькое, и на нем ничего не было видно. Я держал ее на руках изо всех сил.

– Дзум-бум-трум, – неожиданно появился из комнаты папа рядом со мной.

Его оркестр все еще гремел.

– Внимание, – сказал папа дикторским голосом, – мальчику Дениске вручается живая свежая сестренка Ксения. Длина от пяток до головы пятьдесят сантиметров, от головы до пяток – пятьдесят пять! Чистый вес три кило двести пятьдесят грамм, не считая тары.

Он сел передо мной на корточки и подставил руки под мои, наверно, боялся, что я уроню Ксению. Он спросил у мамы своим нормальным голосом:

– А на кого она похожа?

– На тебя, – сказала мама.

– А вот и нет! – воскликнул папа. – Она в своей косыночке очень смахивает на симпатичную народную артистку республики Корчагину-Александровскую, которую я очень любил в молодости. Вообще я заметил, что маленькие детки в первые дни своей жизни все выглядят очень похожи на прославленную Корчагину-Александровскую. Особенно похож носик. Носик прямо бросается в глаза.

Я все стоял со своей сестрою Ксенией на руках, как дурень с писаною торбой, и улыбался.

Мама сказала с тревогой:

– Осторожно, умоляю, Денис, не урони.

Я сказал:

– Ты что, мама? Не беспокойся! Я целый детский велосипед выжимаю одной левой, неужели же я уроню такую чепуху?

А папа сказал:

– Вечером купать будем! Готовься!

Он взял у меня сверток, в котором была Ксенька, и пошел. Я пошел за ним, а за мной мама. Мы положили Ксеньку в выдвинутый ящик от комода, и она там лежала спокойно. Папа сказал:

– Это пока, на одну ночь. А завтра я куплю ей кроватку, и она

будет спать в кроватке. А ты, Денис, следи за ключами, как бы кто не запер твою сестренку в комод. Будем потом искать, куда подевалась.

И мы сели обедать. Я каждую минуту вскакивал и смотрел на Ксеньку. Она все время спала. Я удивлялся и трогал пальцем ее щеку. Щека была мягкая, как сметана. Теперь, когда я рассмотрел ее внимательно, я увидел, что у нее длинные темные ресницы...

И вечером мы стали ее купать. Мы поставили на папин стол ванночку с пробкой и нанесли целую толпу кастрюлек, наполненных холодной и горячей водой, а Ксения лежала в своем комод и ожидала купания. Она, видно, волновалась, потому что она скрипела, как дверь, а папа, наоборот, все время поддерживал ее настроение, чтобы она не очень боялась. Папа ходил туда-сюда с водой и простынками, он снял с себя пиджак, засучил рукава и льстиво покрикивал на всю квартиру:

– А кто у нас лучше всех плавает? Кто лучше всех окунается и ныряет? Кто лучше всех пузыри пускает?

А у Ксеньки такое было лицо, что это она лучше всех окунается и ныряет, – действовала папина лесть. Но когда стали купать, у нее такой сделался испуганный вид, что вот, люди добрые, смотрите, родные отец и мать сейчас утопят дочку, и она пяткой поискала и нашла дно, оперлась, и только тогда немного успокоилась, лицо стало чуть поровней, не такое несчастное, и она позволила себя поливать, но все-таки еще сомневалась, вдруг папа даст ей захлебнуться... И я тут вовремя подсунулся под мамин локоть и дал Ксеньке свой палец и, видно, угадал, сделал то, что надо было, она за мой палец схватилась и совсем успокоилась. Так крепко и отчаянно ухватилась девчонка за мой палец, просто как утопающий за соломинку. И мне стало ее жалко от этого, что она именно за меня держится, держится изо всех сил своими воробыными пальчиками, и сквозь эти пальцы чувствуется ясно, что она мне одному доверяет свою драгоценную жизнь и что, честно говоря, все это купание для нее мука, и ужас, и риск, и угроза, и надо спастись: держаться за палец старшего, сильного и смелого брата. И когда я обо всем этом догадался, когда я понял, наконец, как ей трудно, бедняге, я сразу стал ее любить.

Вопросы к обсуждению:

1. Сравните настроение Дениски в начале рассказа и в конце. Если бы вы были музыкантами, как бы передали звуками разницу этого настроения? Чем обусловлена эта разница?

2. Чем вызван переход желания Дениски «ничего не делать» к активной, энергичной деятельности?

3. Какие фантазии и игры приходили в голову Дениске, пока он убирался в комнате. Какие команды он себе давал?

4. Он рисовал себе, кем он станет (Я буду – ого! Я буду даже ого-го! Огогугаго! Вот кем я буду!) А кем он стал несколько минут спустя, когда появилась мама со свертком в руках? Стать братом – защитником своей сестры – разве это мало?

5. Почему именно в тот момент, когда сестренка крепко ухватила за палец Дениски своими «воробьиными» пальчиками, и когда он почувствовал, что ему одному она доверяет свою жизнь, он и полюбил ее?

6. Случалось ли вам испытывать ответственность за другого? Что вы при этом чувствовали? Были ли ваши чувства схожи с тем, какие испытал Дениска? Поделитесь опытом испытанных вами чувств.

О рассказе Анатолия Приставкина «Фотографии»

Если в рассказе Виктора Драгунского Дениска лишь на миг ощутил свою связь с крохотной сестренкой, то в рассказе Анатолия Приставкина брат, ставший по воле судьбы главой семьи, полностью берет на себя ответственность за шестилетнюю сестру.

На первый взгляд может показаться, что это рассказ не о том, а о трудном военном детстве, о сиротстве, о жизни в детдоме и ожидании возвращения домой. Все это так и есть. И еще в нем есть гибель отца на фронте и смерть матери. Все печально, но одно в нем оптимистично – забота старшего брата-подростка о младшей сестренке, находящейся с ним в детском доме. Их объединяли узы семьи. Символом семьи, любви, продолжающейся жизни являются в рассказе фотографии, на которых изображены папа, мама, тетя, и они – брат с сестрой. Когда из взрослых никого не осталось, семья в лице брата и сестры осталась жива. Чувство любви, родства, заботы старшего о младшей,

ощущение их неразрывности – вот что составило одно целое, именуемое семьей. Есть брат и сестра, и они вместе, а это уже много, когда идет война. Символичен конец рассказа. Все дети разъехались из детского дома, остались только они двое, разглядывающие семейные фотографии, и на всех только они – брат и сестра. «Ведь нас очень много, правда?» – говорит повзрослевший духовно мальчик. Остальных в реальности уже нет, а вместе с ними исчезли и их фотографии. Почему?

Трижды мальчик получает известия, написанные кем-то на листках бумаги, но ни разу не сказано, что именно содержалось в этих листках, хотя сказано, что после каждого листка встречи брата с сестрой для разглядывания фотографий становились более частыми. Как это объяснить? Почему брат не считал возможным сказать сестре правду о смерти родителей и об отказе тети забрать их к себе? Ответ должен дать читатель. Рассказ рассчитан на сотворчество читателя, на его догадку. Слов в рассказе мало, а для размышлений о жизни – огромный простор.

.....

Текст рассказа:

Мы жили далеко от дома, я и моя сестренка, которой было шесть лет. Чтобы она не забывала родных, раз в месяц я приводил сестренку в нашу холодную спальню, сажал на кровать и доставал конвертик с фотографиями.

– Смотри, Люда, вот наша мама. Она дома, она сильно болеет.

– Болеет... – повторяла девочка.

– А это папа наш. Он на фронте, фашистов бьет.

– Бьет...

– Вот это тетя. У нас неплохая тетя.

– А здесь?

– Здесь мы с тобой. Вот это Людочка. А это я.

И сестренка хлопала в крошечные синеватые ладошки и повторяла: «Людочка и я. Людочка и я...».

Из дому пришло письмо. Чужой рукой было написано о нашей маме. И мне захотелось бежать из детского дома куда-нибудь. Но рядом была моя сестренка. И следующий вечер мы сидели, прижавшись друг к другу, и смотрели фотографии.

– Вот папа наш, он на фронте, и тетя, и маленькая Людочка...

– А мама?

– Мама? Где же мама? Наверное, затерялась... Но я потом найду. Зато смотри, какая у нас тетя. У нас хорошая тетя.

Шли дни, месяцы. В морозный день, когда подушки, которыми за-
тыкали окна, покрывались пышным инеем, почтальонша принесла
маленький листок. Я держал его в руках, и у меня мерзли кончики
пальцев. И что-то коченело в животе. Два дня я не приходил к се-
стренке. А потом мы сидели рядом, смотрели фотографии.

– Вот наша тетя. Посмотри, какая у нас удивительная тетя! Про-
сто замечательная тетя. А здесь Людочка и я... А здесь Людочка и я...

– А где же папа?

Сейчас посмотрим.

– Затерялся, да?

– Ага. Затерялся.

И сестренка переспросила, подымая чистые испуганные глаза:

– Насовсем затерялся?

Шли месяцы, годы. И вдруг нам сказали, что детей возвращают в
Москву, к родителям. Нас обошли с тетрадкой и спросили, к кому мы
собираемся ехать, кто у нас есть из родственников. А потом меня
вызвала завуч и сказала, глядя в бумаги:

– Мальчик, здесь на некоторое время остается часть наших вос-
питанников. Мы оставляем тебя с сестренкой. Мы написали вашей
тете, спрашивали, может ли она вас принять. Она, к сожалению...

Мне зачитали ответ.

В детдоме хлопали двери, сдвигались в кучу топчаны, скручива-
лись матрацы. Ребята готовились в Москву. Мы сидели с сестренкой
и никуда не собирались. Мы разглядывали фотографии.

– Вот Людочка. А вот я.

– А еще?

– Еще? Смотри, и здесь Людочка. И здесь... И меня много. Ведь
нас очень много, правда?.

Вопросы к обсуждению:

1. О чем этот рассказ, и какие жизненные ассоциации он у вас вызвал?
Как объяснить, что дети оказались далеко от дома?

2. Почему так важно было детям рассматривать семейные фото-
графии? Что они для них значили?

3. Как объяснить, что по мере сообщений, присланных на листках бумаги, учащались встречи брата с сестрой и последовательно исчезали из конвертика фотографии матери, отца и тети? Что за этим стоит?

4. Почему при рассматривании фотографий раз от разу менялась характеристика тети: сначала она была «неплохая», позже «хорошая», а когда дети совсем осиротели, стала «удивительная» и «замечательная»?

5. Ваши варианты объяснения, почему она не взяла детей из детского дома, что могло содержаться в ее письме завучу детского дома?

6. Если вы читали рассказ сами, а не просто слушали, то наверняка обратили внимание, как много в нем многоточий. Как вы думаете – почему?

7. Как вы понимаете концовку рассказа: слова мальчика, сказанные сестренке: – «Ведь нас очень много, правда?», хотя их осталось всего двое?

8. Почему, по вашему мнению, рассказ включен в раздел «В ответе за тех, кого приручил»?

Дополнительная литература по теме:

- Сент-Экзюпери А. «Маленький принц»
- Воскобойников В. «Все будет в порядке»
- Крапивин В. « Та сторона, где ветер»
- Погодин Р. «Книжка про Гришку»
- Алмазов Б. «Старые да малые».
- Алексин А. « Повести и рассказы»
- Крюкова Т. «Костя+Ника»
- Лиханов А. «Никто»
- Фраерман Р. «Дикая собака Динго»
- Мурашова Е. « Класс коррекции»

Раздел 10

ЧТЕНИЕ – ДУШИ ДВИЖЕНИЕ

О теме

Мысли, чувства, образы читателей, возникшие в процессе чтения и проявившие себя в ходе обсуждения литературных произведений, связаны с качеством восприятия литературы. Чем глубже прочел читатель обсуждаемый рассказ или прослушал его, затаив дыхание, тем интереснее, серьезнее, оригинальнее его высказывания. Темой «Чтение» как сложной формой работы сознания человека, проявления его душевных свойств в ответ на прочитанное мы и заканчиваем наше пособие.

Предложенные в данном разделе рассказы раскрывают картину того, что происходит в сознании ребенка, когда он читает литературные произведения, погружившись в жизнь придуманных писателями людей. Читая, человек тренирует свои эмоциональные и мыслительные реакции на добро и зло, отраженные в произведении, переносит на себя чувства персонажей, ставит себя на их место, находит в прочитанном созвучие собственной душе, додумывает то, чего в тексте нет. Опыт чтения, пережитый литературными героями и усвоенный реальными читателями как собственный, обеспечивает влияние искусства слова на сознание и поведение человека, оставляет в нем глубокий след. Примеры творческого чтения детей, представленные в литературных произведениях, подтверждают сказанное. Обсуждая картину чтения литературных персонажей, реальный читатель на чужих примерах восприятия классики учится читать. Задача обсуждения – пронаблюдать с детьми за характером чтения сверстников и соотнести их опыт со своим собственным. Именно в процессе чтения, если оно не поверхностное, и происходит влияние литературы на внутренний мир читателя, формирование его нравственной позиции. Важно заметить, что не всякое чтение благотворно. Только настоящая литература растит настоящего читателя и учит правильно жить. А книга мелкая и ничтожная и читателя делает таким. В свою очередь, качество чтения – фактор не менее важный, когда речь идет о воспитательной роли литературы.

Предлагаем обсудить:

1. Искандер Ф. «Чик и Пушкин»
2. Драгунский В. «Тиха украинская ночь»
3. Масс А. «Дик Сенд»
4. Перехвальская Е. «Сострадание к Швабрину»
5. Сотник Ю. «Ищу Троекурова»
6. Лугарев А. «Афродита»

О рассказе Фазиля Искандера «Чик и Пушкин»

На обложке ученической тетради, которую держал в руках подросток по имени Чик, был помещен рисунок, изображающий коня князя Олега и коня дружинника. Чикуну надо было отыскать «спрятавшиеся» на рисунке буквы, из которых сложилось бы слово, означающее «вредитель». Занявшись поиском букв, Чик заметил на рисунке то, чего раньше не замечал: конь одного из дружинников, как-то изумленно приподняв голову, смотрит на Олега коня, словно слышал предсказание кудесника. А конь Олега круто опустил голову, мрачно насупившись. Это заинтересовало школьника. Под рисунком в два столбика с переносом на следующую страницу были напечатаны стихи Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Чик забыл про буквы и, заинтригованный рисунком, стал читать. Сам процесс чтения мальчиком пушкинского текста, реакцию на него, представил нам Фазиль Искандер в своем рассказе. Протекание в сознании Чика процесса восприятия пушкинских строк и является в данном случае предметом обсуждения этого рассказа. Особое внимание надо обратить на работу воображения мальчика и силу его эмоциональной реакции на пушкинские строки – качества, которые Лев Толстой считал главными в характеристике настоящего читателя.

Фрагмент рассказа:

Чик стал читать стихи для того, чтобы присмотреться, не было ли у коня какого-нибудь выхода. А какой может быть выход? Не впускать змею в собственный череп, когда он лежит в поле без всякого присмотра?

Чик, конечно, знал эти стихи и раньше, но никакого особого интереса к ним не испытывал. Теперь, читая их и дойдя до гаданья кудесника, Чик мельком подумал, что кудесник шпион и нарочно разлучает Олега с любимым конем.

Читая стихи, Чик с удивлением чувствовал, что они оживают и оживают. Так, бывало, неохота есть. А начнешь – и неожиданно еда вкуснеет и вкуснеет.

И вдруг, когда он дошел до места, где змея, выползшая из черепа

коня, обвилась вокруг Олега «и вскрикнул внезапно ужасенный князь», что-то пронзило его с незнакомой силой.

Это была поэзия, о существовании которой у Чика были самые смутные представления. В этой строчке замечательно, что не уточняется, отчего вскрикнул князь. Конечно, отчасти он вскрикнул и от боли, но и от страшной догадки: от судьбы никуда не уйдешь.

И Чик как бы одновременно с Олегом догадался об этом. И его пронзило. И дальше уже до конца стихотворения хлынул поток чего-то горестного и прекрасного, может быть, постижения непостижимого смысла жизни.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Чик чувствует какую-то грустную бессердечность жизни, которая продолжается и после смерти Олега. И в то же время он понимает, что так и должно быть, что даже мертвому Олегу приятней, что там наверху, на земле, озаренной солнышком, жизнь продолжается, река журчит, трава зеленеет.

Олег словно видит Игоря и Ольгу на зеленом холме, видит пирующую у берега дружину и с тихой улыбкой говорит:

«Конечно, друзья, мне бы еще хотелось посидеть с вами на зеленом холме, попить с дружиной, поговорить о битвах, где мы вместе рубились, но, видно, не судьба. И все же мне приятно видеть отсюда, что вы кушаете, пьете на зеленом холме. Пируйте, пируйте! Если бы вас не было на земле, если бы вы все умерли, мне было бы здесь совсем тоскливо и одиноко».

Обливаясь сладкими слезами и не думая о том, что плакать стыдно, Чик несколько раз прочел это стихотворение, удивляясь, что слова начинают светиться и зеленеть, как трава, на которой сидят Игорь и Ольга.

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.

Слова сияли, словно переводные картинки, промытые слезами Чика. В них стал приоткрываться какой-то милый дополнительный

смысл. Чик не знал, откуда берется этот дополнительный смысл, но он чувствовал, что этот смысл появился... Неразумным хазарам... Неразумным...Неразумным... Прощальный упрек, даже улыбка прощающего упрека чувствуется в этом слове.

В каждой строчке Чик теперь улавливал слова, перекликающиеся и даже улыбающиеся друг другу тайной понимания. Собирается. Неразумным. Буйным. Обрек.

Чик чувствует, что Олег и не хотел бы мстить хазарам, да приходится, и потому он так неохотно собирается. Он как бы говорит, собираясь в поход:

«Ну зачем вы, хазары, такие Неразумные? Если бы вы, как обычно, набежали и ушли, я, может быть, и не собирался бы в поход. А то ведь устроили Буйный набег... А за это приходится ваши села и нивы обречь мечам и пожарам»

Тут все обречены, и Чик это чувствует. Хазары обречены быть неразумными и потому – устраивать буйные набеги. Олег за это обречен обречь их мечам и пожарам, хотя сам уже носит в себе свою обреченность погибнуть от любимого коня.

Чик затих над столом. Он не понимал, что с ним происходит. Краем сознания он все еще помнил, что искал на рисунке. Нет, он не перестал верить в существование вредителей. Но они куда-то далеко-далеко удвинулись и стали маленькими-маленькими. И даже если они воровато нацарапали на этом рисунке какие-то нехорошие слова и юркнули в какую-то щель, как это мелко и глупо. Даже искать эти слова мелко и глупо, если в жизни могут происходить такие великие истории, как история Олега и его коня.

Вопросы для обсуждения:

1. Что пробудило у Чика интерес к чтению произведения Пушкина «Песнь о вещем Олеге»?
2. Какое место в стихотворении особенно обострило его внимание? Какая мысль «пронзила» его? Совпадает ли она с вашей мыслью?
3. Что открылось Чикю в жизни, когда он читал стихотворение Пушкина? О чем догадался он, дойдя до смерти князя Олега?
4. Как вы понимаете фразу: «Слова сияли, словно переводные картинки, промытые слезами Чика»?
5. Как вы объясните, что первоначальная задача – отыскать буквы

на рисунке, показалась Чику ничтожной по сравнению с той великой историей, которая отражена в стихотворении Пушкина. Согласны ли вы с его мнением? Поясните свою мысль.

6. Какой момент показался Чику самым печальным в стихотворении? Что представилось его мысленному взору в ответ на строчки Пушкина: «Ковши круговые, запенясь, шипят на тризне плачевной Олега». Как вы сами представляете себе эту сцену?

7. Почему Чик считает, что пир дружины приятен мертвому Олегу?

8. Какая картина видится Чику, где пирует дружина Олега? О чем свидетельствует описание этой картины, которой в тексте Пушкина нет? Какое творческое качество проявилось у Чика как читателя? А с вами, когда вы читаете, такое бывает?

О рассказе Виктора Драгунского «Тиха украинская ночь»

Как и в рассказе Фазиля Искандера, так и в рассказе Драгунского речь идет о восприятии школьником пушкинского стихотворения. В данном случае это отрывок из поэмы «Полтава» «Тиха украинская ночь». Дениску вызвали к доске, чтобы он поделился своим пониманием смысла этого произведения Пушкина. У мальчика своя история взаимоотношения с этим любимым стихотворением. Он знал его наизусть еще до школы. И при упоминании этого стихотворения в сознании Дениски воскрешается картина, которой у Пушкина нет. Но всякий раз она почему-то всплывает. На этой картине он видит самого себя, стоящего на крыльчке родного дома, видит дорогого деда, которого в жизни никогда не видел, видит щенка, свернувшегося у его ног. Он видит маленький городок, слышит стрекотание кузнечиков и еще многое другое, что вспоминается ему из первых читательских впечатлений от стихотворения Пушкина.

Учительница явно недовольна прочтением Дениской пушкинских строк и предлагает свое прочтение, с позиции предмета «География». Обсуждая это прочтение со своим другом Мишкой, оба приятеля хотят. А как сегодняшние участники обсуждения оценивают восприятие Дениски и учительницы? Какое из них они предпочитают? И как сами воспринимают пушкинский текст? Что предстает перед их мысленным взором? Какое движение души происходит у них в ответ на стихотворные строчки великого поэта

Текст рассказа:

Наша преподавательница литературы Раиса Ивановна заболела. И вместо нее к нам пришла Елизавета Николаевна. Вообще-то Елизавета Николаевна занимается с нами географией и естествознанием, но сегодня был исключительный случай, и наш директор упросил ее заменить захворавшую Раису Ивановну.

Вот Елизавета Николаевна пришла. Мы поздоровались с нею, и она уселась за учительский столик. Она, значит, уселась, а мы с Мишкой стали продолжать наше сражение – у нас теперь в моде военно-морская игра. К самому приходу Елизаветы Николаевны перевес в этом матче определился в мою пользу: я уже протаранил Мишкиного эсминца и вывел из строя три его подводные лодки. Теперь мне осталось только разведать, куда задевался его линкор. Я пошевелил мозгами и уже открыл было рот, чтобы сообщить Мишке свой ход, но Елизавета Николаевна в это время заглянула в журнал и произнесла:

– Кораблей!

Мишка тотчас прошептал:

– Прямое попадание!

Я встал.

Елизавета Николаевна сказала:

– Иди к доске!

Мишка снова прошептал:

– Прощай, дорогой товарищ!

И сделал «надгробное» лицо.

А я пошел к доске. Елизавета Николаевна сказала:

– Дениска, стой ровнее! И расскажи-ка мне, что вы сейчас проходите по литературе.

– Мы «Полтаву» проходим, Елизавета Николаевна, – сказал я.

– Назови автора, – сказала она; видно было, что она тревожится, знаю ли я.

– Пушкин, Пушкин, – сказал я успокоительно.

– Так, – сказала она, – великий Пушкин, Александр Сергеевич, автор замечательной поэмы «Полтава». Верно. Ну, скажи-ка, а ты какой-нибудь отрывок из этой поэмы выучил?

– Конечно, – сказал я,

– Какой же ты выучил? – спросила Елизавета Николаевна.

– «Тиха украинская ночь...»

– Прекрасно, – сказала Елизавета Николаевна и прямо расцвела от удовольствия. – «Тиха украинская ночь...» – это как раз одно из моих любимых мест! Читай, Кораблев.

Одно из ее любимых мест! Вот это здорово! Да ведь это и мое любимое место! Я его, еще когда маленький был, выучил. И с тех пор, когда я читаю эти стихи, все равно вслух или про себя, мне всякий раз почему-то кажется, что хотя я сейчас и читаю их, но это кто-то другой читает, не я, а настоящий-то я стою на теплом, нагретом за день деревянном крылечке, в одной рубашке и босиком, и почти сплю, и клюю носом, и шатаюсь, но все-таки вижу всю эту удивительную красоту: и спящий маленький городок с его серебряными тополями; и вижу белую церковку, как она тоже спит и плывет на кудрявом облачке передо мною, а наверху звезды, они стрекочут и насвистывают, как кузнечики; а где-то у моих ног спит и перебирает лапками во сне толстый, налитой молоком щенок, которого нет в этих стихах. Но я хочу, чтобы он был, а рядом на крылечке сидит и вздыхает мой дедушка с легкими волосами, его тоже нет в этих стихах, я его никогда не видел, он погиб на войне, его нет на свете, но я его так люблю, что у меня теснит сердце...

– Читай, Денис, что же ты! – повысила голос Елизавета Николаевна.

И я встал поудобней и начал читать. И опять сквозь меня прошли эти странные чувства. Я старался только, чтобы голос у меня не дрожал.

...Тиха украинская ночь.

Прозрачно небо. Звезды блещут.

Своей дремоты превозмочь

Не хочет воздух. Чуть трепещут

Сребристых тополей листья.

Луна спокойно с высоты

Над Белой церковью сияет...

– Стоп, стоп, довольно! – перебила меня Елизавета Николаевна. – Да, велик Пушкин, огромен! Ну-ка, Кораблев, теперь скажи-ка мне, что ты понял из этих стихов?

Эх, зачем она меня перебила! Ведь стихи были еще здесь, во мне, а она остановила меня на полном ходу. Я еще не опомнился! Поэтому я притворился, что не понял вопроса, и сказал:

– Что? Кто? Я?

– Да, ты. Ну-ка, что ты понял?

– Все, – сказал я. – Я понял все. Луна. Церковь. Тополя. Все спят.

– Ну... – недовольно протянула Елизавета Николаевна, – это ты немножко поверхностно понял... Надо глубже понимать. Не маленький. Ведь это Пушкин...

– А как, – спросил я, – как надо Пушкина понимать? – И я сделал недотепанное лицо.

– Ну давай по фразам, – с досадой сказала она. – Раз уж ты такой. «Тиха украинская ночь...» Как ты это понял?

– Я понял, что тихая ночь.

– Нет, – сказала Елизавета Николаевна. – Пойми же ты, что в словах «Тиха украинская ночь» удивительно тонко подмечено, что Украина находится в стороне от центра перемещения континентальных масс воздуха. Вот что тебе нужно понимать и знать, Кораблев! Договорились? Читай дальше!

– «Прозрачно небо», – сказал я, – небо, значит, прозрачное. Ясное. Прозрачно небо. Так и написано: «Небо прозрачно».

– Эх, Кораблев, Кораблев, – грустно и как-то безнадежно сказала Елизавета Николаевна. – Ну что ты, как попка, затвердил: «Прозрачно небо, прозрачно небо». Заладил. А ведь в этих двух словах скрыто огромное содержание. В этих двух как бы ничего не значащих словах Пушкин рассказал нам, что количество выпадающих осадков в этом районе весьма незначительно, благодаря чему мы и можем наблюдать безоблачное небо. Теперь ты понимаешь, какова сила пушкинского таланта? Давай дальше.

Но мне уже почему-то не хотелось читать. Как-то все сразу надоело. И поэтому я наскоро пробормотал:

...Звезды блещут.

Своей дремоты превозмочь

Не хочет воздух...

– А почему? – оживилась Елизавета Николаевна.

– Что почему? – сказал я.

– Почему он не хочет? – повторила она.

– Что не хочет?

– Дремоты превозмочь.

– Кто?

– Воздух.

– Какой?

– Как какой – украинский! Ты ведь сам только сейчас говорил:

«Своей дремоты превозмочь не хочет воздух...» Так почему же он не хочет?

– Не хочет, и все, – сказал я с сердцем. – Просыпаться не хочет! Хочет дремать, и все дела!

– Ну нет, – рассердилась Елизавета Николаевна и поводила перед моим носом указательным пальцем из стороны в сторону. Получалось, как будто она хочет сказать: «Эти номера у вашего воздуха не пройдут». – Ну нет, – повторила она. – Здесь дело в том, что Пушкин намекает на тот факт, что на Украине находится небольшой циклонический центр с давлением около семисот сорока миллиметров. А, как известно, воздух в циклоне движется от краев к середине. И именно это явление и вдохновило поэта на бессмертные строки: «Чуть трепещут, м-м-м... м-м-м, каких-то тополей листы!» Понял, Кораблев? Усвоил! Садись!

И я сел. А после урока Мишка вдруг отвернулся от меня, покраснел и сказал:

– А мое любимое – про сосну: «На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна...». Знаешь?

– Знаю, конечно, – сказал я. – Как не знать?

Я выдал ему «научное» лицо.

– «На севере диком» – этими словами Лермонтов сообщил нам, что сосна, как ни крути, а все-таки довольно морозоустойчивое растение. А фраза «стоит на голой вершине» дополняет, что сосна к тому же обладает сверхмощным стержневым корнем...

Мишка с испугом глянул на меня. А я на него. А потом мы расхохотались. И хохотали долго, как безумные. Всю перемену.

Вопросы к обсуждению:

1. Чем не понравилось преподавателю географии понимание Дениской стихотворения Пушкина? Почему она считает, что его понимание неправильное? Согласны ли вы с ее оценкой его реакции на стихотворение?

2. Какие качества чтения Дениски вы заметили? Чем оно отличается от прочтения стихотворения учительницей? Чей подход к стихотворению Пушкина вам ближе?

3. Как в прочтении Дениской стихотворения Пушкина проявился его собственный характер? Какой он?

4. Разделяете ли вы смех Дениски и Мишки, смоделировавших ход рассуждений учительницы о стихотворении Лермонтова «Сосна»?

5. Как вы считаете, правомерен ли научный подход к прочтению художественного произведения? В чем своеобразие чтения литературного произведения?

6. А что вы сами видите, чувствуете, переживаете в ответ на стихотворение «Тиха украинская ночь»? Расскажите.

О рассказе Анны Масс «Дик Сенд»

Дик Сенд – юный герой романа Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан». Чтение этого таинственного романа совпало с болезнью героини рассказа, что дало ей возможность прочитать роман не торопясь. Чтение девочки по имени Валя – пример чтения-погружения, когда книга становится частью самого читателя, входит в него раз и навсегда. Для такого чтения характерно не только сопереживание с героями произведения, но и мысленное содействие с ними. Главным объектом внимания читательницы стал образ самого пятнадцатилетнего капитана. Она играла в него, придумывала ему новые приключения, жила его жизнью, забывая реальный мир. Мало того, она сама на время становилась Диком Сендом и смотрела на окружающее его глазами.

За рамками предложенного для обсуждения фрагмента рассказа осталась еще одна черта чтения героини – она мерила знакомых мальчишек меркой достоинств Дика Сенда. Это качество творческого чтения психологи называют «подстановка» или «идентификация». Суть его в том, что читатель подставляет себя или кого-то другого на место персонажа и начинает смотреть на мир и окружающих людей его глазами. «Подстановка» – одна из форм образного мышления, когда одно явление видится сквозь призму другого. Цель обсуждения – дать подросткам образец творческого чтения, выходящего за пределы простого пересказа текста. Одновременно с этим выявить читательские способности участников обсуждения.

Фрагмент рассказа:

Юля сказала, что у нее есть книжка «Пятнадцатилетний капитан» с картинками. Но она ее как раз сейчас читает, а когда прочтет, отдаст Мишке, она ему уже обещала. Я вся извелась, пока дождалась своей очереди. И заболела-то я, как мне показалось, от нетерпения. Конечно, на самом деле это не так, потому что скарлатиной заболевают по каким-то другим причинам. И вот я слегла на четыре недели с единственным предметом – с книжкой Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан».

Обычно, если книга с картинками, я вначале рассматриваю все картинки, а уж потом принимаюсь за чтение. А тут я нарочно не заглядывала вперед, чтобы продлить удовольствие. Зато как приятно было перевернуть страницу, а там – картинка! А под картинкой – фраза из текста, которая объясняет, что нарисовано. Как я восхищалась бесстрашным юношей Диком Сендом! А негр Геркулес! А умный пес Динго с таинственными буквами «С.В.» на ошейнике!

Я пробираюсь вместе с путешественниками по африканским джунглям. Я готова собственными руками убить злодея Нэгоро, который верг этих благородных людей в пучину опасностей.

Мама приносила мне в постель завтрак, обед и ужин, и я ела, не отрываясь от книги. Мама говорила:

– Ты как пьяная! Хоть во время еды не читай! Ты себе глаза портишь!

Она очень беспокоилась, что за месяц я сильно отстану. А меня волновало совсем другое: доберутся ли путешественники до побережья? Неужели, избежав столько опасностей, они станут жертвами жестоких туземцев? Какие новые злодеяния замыслил Нэгоро?

Но вот верный друг Динго привел их в пещеру. Сейчас откроется тайна двух букв. Так и есть! Человеческий скелет на полу пещеры. Записка: «Здесь... в 120 милях от берега океана... меня смертельно ранил и ограбил мой проводник Нэгоро... Динго! Ко мне... Самюэль Вернон».

– Я отберу у тебя книгу! – закричала мама, войдя в комнату. – Тебе нельзя волноваться, а ты так рыдаешь! У тебя будет осложнение! Ты этого хочешь?

Я заснула книгу под спину и легла на нее.

– Много хоть тебе осталось?

– Совсем немножко, – с сожалением сказала я.

– Слава богу, успокоишься наконец, – сказала мама.

Но как только я заканчивала книгу, я тут же начала читать ее сначала. Дик Сенд – вот кто стал моим героем! Я играла в него. Я придумывала новые приключения, еще интереснее тех, что в книге. Я словно переставала быть самой собой, когда играла. Для мамы и для всех остальных я продолжала оставаться девочкой Валеи, ученицей четвертого класса. А для самой себя я стала смелым юношей, Диком Сендом. Это было какое-то странное ощущение, я бы, пожалуй, не решилась рассказать о нем никому, даже своей лучшей подруге Наташке. Так рассказать, чтобы она поняла и не засмеялась. Меня это ощущение волновало и захлестывало.

Мама несколько раз намекала, что книжку, когда я выздоровею, придется уничтожить. Но это уж нет! Ни за что! Книжку, которая стала мне таким другом, даже больше, чем другом, – частью меня самой, старую, растрепанную книжку с мягкими от дряхлости страницами, с засаленными, а кое-где с оторванными уголками, с расслоившейся обложкой, такую родную, живую, – уничтожить! Не дам! Так спрячу, что никто не найдет.

Четыре недели прошли почти незаметно.

Когда мама разрешила мне одеться и встать и я прошла по комнате, меня зашатало от слабости. Но мне это даже понравилось: я подумала, что Дик Сенд тоже шатался от слабости после пыток. Книжку я все-таки спасла, запихнула ее глубоко под ванну. И книжка осталась у меня. Я ее до сих пор храню.

Вопросы к обсуждению:

1. Читали ли вы роман Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан»? А может быть, смотрели одноименный фильм? Давайте вспомним, о чем там идет речь.

2. На какие особенности чтения школьницы Вали вы обратили внимание? Она испытывала от чтения большое удовольствие, знакомо ли вам это чувство при чтении книги?

3. Бывало ли с вами такое, что, читая, вы забывали окружающий мир? Или вам казалось, что вы читаете о самом себе? Если бывало, то расскажите.

4. Как реагировала девочка на злодея Нэгоро? Кого и почему она

считала идеальным человеком, изображенным в романе? Какими чертами характера он обладал?

5. Как вы понимаете, что девочка Валя, читая роман Жюль Верна, для самой себя стала юношей Дик Сендом?

6. Почему читательнице было так важно спасти книгу «Пятнадцатилетний капитан»? Что она для нее значила?

7. Есть ли в вашей читательской биографии книга, с которой вам не хотелось расставаться? Что в этой книге вас больше всего поразило?

О рассказе Елены Перехвальской «Сострадание к Швабрину»

Кто читал «Капитанскую дочку» Пушкина, тот наверняка запомнил Швабрину, которого Гринев называет «гнусным злодеем». А на уроке литературы, о котором рассказывает писательница, Лена Лонская высказала мысль, что в конце повести поседевший после пыток Швабрин вызывает жалость. У Пушкина об этом не говорится и в учебнике этого нет, но школьница прочитала об этом «между строк». Разгорелся спор. Достоин ли Швабрин сострадания? Если вспомнить все подробности повести, то при всей «гнусности» образа Швабрина была в его жизни минута, когда на суде (по делу Гринева) у него возникли тормозы, не позволившие ему произнести имя Марьи Ивановны, дочери Белогорского коменданта. Его безответная любовь к Марье Ивановне – вот что кажется девочкам, вставшим на его защиту, основанием для сострадания ему. Они готовы многое ему простить, отнеся любовь к его нравственным заслугам.

Девочки стремились логически обосновать: достоин Швабрин жалости или нет. Однако они не учли одного: чувства обосновать логически невозможно. Они или есть, или нет. Чувства называют высшим разумом. Противоречие, какое обнаружилось у школьниц по отношению к Швабрину, – это противоречие самой жизни. Пушкин, говоря о себе в стихотворении «Памятник», писал: «И милость к падшим призывал». Осудить Швабрину проще всего, тут есть средства для доказательств, а пожалеть этого падшего человека, проникнуться к нему состраданием – этого не подтвердишь фактами, оно внутри читателя. В рассказе Перехвальской – оно внутри Лены Лонской и всех, кто ее поддерживает. Сострадать человеку – это не значит отрицать его вину. Рассказ интересен тем, как чтение явилось для школьников ключом к решению их собственных нравственных проблем.

Текст рассказа:

Это началось вчера на уроке литературы. Мы сейчас проходим «Капитанскую дочку», и Лену Лонскую вызвали отвечать образ Швабрина. Она начала обыкновенно, а потом вдруг и говорит, что в самом конце книги Швабрин вызывает у читателя жалость, это когда он появляется после пыток совсем седой. И откуда Ленка это взяла? В учебнике так не написано, и на уроке этого не объясняли. Наверно, она сама придумала. Учительница удивилась и спросила, а как считают другие. И тут началось! Все заспорили. Одни говорили, что жалеть Швабрина нечего, потому что он предатель, на Гринева доносил, значит, так ему и надо. Другие с ним не соглашались, утверждали, что когда несчастная любовь, это меняет дело. К тому же Швабрин помогал Пугачеву, который народный герой. Не побоялся перейти на сторону крестьян, значит, он смелый.

Мы орали весь урок, но к общему выводу так и не пришли. После уроков я шла домой и все ломала голову: так надо ли жалеть Швабрина или нет? Не так просто решать. Я рассуждала так: он, конечно, гад, но делал все от любви. А с другой стороны, Марью Ивановну на хлеб и воду посадил тоже от любви? И вообще, если подумать хорошенько, получают удивительные вещи – Гринева воевал против Пугачева, а он хороший, положительный; а Швабрин, помогавший Пугачеву, оказывается отрицательным героем. Странно. Все как-то навыворот. Так надо ли жалеть Швабрина? Мне, честно скажу, было его ни капли не жалко, надо было только подумать почему; как говорит папа – обосновать.

И вот на следующий день, когда мы выстроились у раздевалки, я сказала девочкам:

– А я знаю, почему не надо жалеть Швабрина.

– Господи, не надоест тебе? – ухмыльнулась Лиза Ковальчук. – Я уж и забыла.

– Ну? – спросили другие.

– Так вот, – начала я. – За все отрицательные поступки человек должен нести наказание. Швабрин наделал много зла и поплатился за это. Мы ведь не жалеем преступников, когда их сажают в тюрьму. И вот Швабрина пытаются, мучают, но это как бы наказание за его поступки. Справедливость восторжествовала.

– Да?! – закричала Танька Крыгина. – Какая же тут справедливость! Его ведь пытали не за Гринева, не за Марью Ивановну, а за то, что он помогал Пугачеву, то есть как раз за хорошее.

Тут и другие девчонки заинтересовались.

– У него была безответная любовь, – сказала Оля Илецкая. – А в таком состоянии человек способен на все: на любую низость и на любой подвиг.

– Он мог бы ее запросто изнасиловать, а не стал. Значит, не такой плохой человек, – добавила Лиза Ковальчук.

Я с Лизой дружу, но она, честное слово, иногда такое ляпнет... Вот и папа говорит, что у нее узкий кругозор. Конечно, из всех спорящих всерьез можно было принимать только Крыгину.

– По-твоему выходит, что зла наделал – и наказания никакого? Кстати, Пугачеву он помогал только из личной корысти. На крестьянское восстание ему было наплевать.

– Это неважно, – заявила Крыгина. – К тому же мы не знаем, из каких соображений сражался сам Пугачев. Может быть, он за личную власть боролся. Распространенный мотив.

– Вот ты себе и противоречишь, – решила я подцепить Крыгину важным аргументом. – По-твоему получается, что мотив поступка никакого значения не имеет, так?

– Конечно, с позиций современности.

– Значит, то, что Швабрин помогал Пугачеву, сам факт этого перевешивает то, что на самом деле он злодей? Вот бы Пушкин удивился, что Швабрин-то у него положительный герой!

– Ерунда, бред собачий! – заорала Крыгина. – Ну, вот смотри. Идет человек и видит, что другой тонет. Он бросается в воду и спасает его. Это хороший поступок? Подвиг?

– Ну, – согласилась я.

– Хорошо. А вдруг у него была корысть? Этот, который тонет, например, должен ему большую сумму денег. И спасает его только поэтому. Тогда как получается? Это что, тоже подвиг?

– Пожалуй, нет...

– Значит, надо пройти мимо, так? Или на дно, дорогой должник, я забуду о своей выгоде!

– Ну... – Я не знала, что ответить.

– Хорошенький подвиг получается – стоять на берегу и смотреть, как он бултыхается! – снова заорала Крыгина.

Девчонки смеялись.

Я обиделась. Вроде бы нормально разговаривали, а она опять. Главное, спорит-то просто мне назло. А эти дуры смеются!

– Не берите, девочки, у Юлечки ничего. А то будете тонуть – она мимо пройдет, будет хорошие поступки совершать. Буль-буль.

– Тань, давай честно, – говорю, – ты чушь мелешь и переходишь на личности. Тебе лишь бы своей цели добиться. Кстати, как Швабрину. Вот ты и говоришь, что его надо пожалеть. Потому что вы с ним – два сапога пара.

Я это выпалила как из пулемета. Наверно, вышло глупо, потому что Ковальчук и Илецкая так и прыснули. Я отвернулась от них и набросилась на первую попавшуюся девчонку из четвертого:

– Девочка, ты переодевала тапочки?

– Да, мы все как Швабрин, – раздался за моей спиной голос Крыгиной, ужасно издевательский. – Одна Юлечка хорошая. У нас личная корысть. А Юлечка – ангел с крылышками, чего ей нас жалеть?

Я смотрела на лестницу и молча кусала губы.

Вопросы к обсуждению:

1. Читали ли вы повесть Пушкина «Капитанская дочка»? Если читали, то каким вы представляете себе Швабрину? Охарактеризуйте его. Каково ваше к нему отношение?

2. Как вы понимаете слово «сострадание»? Что это за чувство?

3. Как вы думаете, чью позицию разделяет сама писательница: тех, кто считает, что предатель и «гносный злодей» Швабрин достоин сострадания, или тех, кто сострадание по отношению к нему считает недопустимым?

4. Согласны ли вы с мнением Крыгиной, что сами участники спора похожи на Швабрину? Если «да», то в чем это проявилось? Как, на ваш взгляд, следует относиться к людям в реальной жизни, подобным Швабрину?

5. Какая нравственная проблема поставлена в этом рассказе? Достойна ли она обсуждения? Имеет ли она связь со взаимоотношениями одноклассниц?

6. Как вы объясните последнюю фразу рассказа: «Я смотрела на лестницу и молча кусала губы»?

О рассказе Юрия Сотника «Ищу Троекурова»

Изучаемые в школе литературные произведения дети чаще всего не любят. Тот факт, что Леша Тучков прочитал «Дубровского» до изучения в школе, спасло его интерес к этой повести. Он воспринял его как острый детектив, а Дубровского – как благородного разбойника, каким ему самому хотелось бы быть и мстить самодуру Троекурову, из-за которого погиб отец Дубровского. Вооружившись игрушечным пистолетом, Леша пошел на поиски «Троекурова». Таким предстал перед ним мальчишка, обидевший проходящую мимо девочку. Но когда Леша увидел широкие плечи «Троекурова», он струсил. Дубровского из Леши не получилось. Поиски более слабого Троекурова (это не вошло в рамки данного фрагмента) привели его к мальчику-дошкольнику. По отношению к нему «Дубровский» превратился в «Троекурова», обидевшего невинного малыша.

Фрагмент рассказа:

***Я** очень рано полюбил Пушкина. «Капитанскую дочку» и «Дубровского» я прочитал еще до того, как мы начали проходить их в школе. Я не боялся получить за них двойку, и, наверное, поэтому они так и остались для меня очень увлекательными приключенческими повестями. Из-за «Дубровского» я попал в историю, о которой стоит рассказать.*

Начало этой повести я одолел с трудом: весь вечер пришлось бегать к маме и спрашивать, что такое «генерал-аншеф», «отъезжее поле», «штаб-лекарь», «стремянной»... К тому времени, когда я усвоил почти все эти непонятные слова, старик Дубровский умер, разоренный своим другом – богатым самодуром Троекуровым. Молодой сын Дубровского Владимир сделался благородным разбойником – грозой всех богачей округа. Тут мне стало трудно оторваться от книги. Мама раз пять прикрикнула на меня, прежде чем заставила улечься в постель. Но и здесь я продолжал читать, накрывшись с головой одеялом и светя на страницы карманным фонариком. Чем больше я читал, тем больше мне хотелось походить на этого романтического героя. Иногда я даже открывался от книги, подходил к зеркалу и взирал на свое отражение, сдвинув

брови и оттопырив нижнюю губу, чтобы придать себе вид мрачный и решительный.

Вот молодой разбойник явился в усадьбу Троекурова под видом скромного французского учителя... Вот Троекуров решил сыграть с мнимым французом свою любимую шутку: Дубровского толкнули в комнату, где на длинной цепи расхаживал голодный медведь. Я прочел: «Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приблизился. Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил».

Я опять оторвался от книги. Я вынул из ящичка стола жестяной пистолет, зарядил его бумажными пистонами и, снова оттопырив губу, стал прохаживаться по комнате. Я высматривал, какой предмет из обстановки смог бы сойти за медведя. Пожалуй, лучше всего подходила для этой роли этажерка с книгами. Твердыми шагами я направился к ней, остановился и мысленно прикинул, где у моего «медведя» могло быть ухо, выстрелил в крайнюю книжку на верхней полке...

А дальше в книге пошли эпизоды еще более восхитительные. Груливый Антон Пафнутьевич, боясь разбойников, попросился спать в одной комнате с отважным «французом», а, проснувшись под утро, увидел, что француз стоит над ним с пистолетом в руке:

«Молчать, или вы пропали. Я – Дубровский»...

Дочитав книгу, я прямо-таки забежал по комнате от возбуждения. В ту минуту я все бы отдал, только бы очутиться на месте Дубровского.

Тут я вспомнил, что я, увы, не Дубровский, и мне стало грустно. Однако в следующую секунду я подумал: хорошо, я не Дубровский, но разве я сам не могу совершить какой-нибудь благородный разбойничий подвиг? И у меня тут же созрел план: пойду на улицу, отыщу там какого-нибудь «Троекурова» примерно моего возраста и проучу его как следует.

После обеда я стал готовиться к своему опасному предприятию. Мне захотелось совершить свой подвиг инкогнито, ведь я представлял себе примерно такую картину: гнусного вида толстый мальчишка пристает к красавице девочке, может быть, отнимает у нее сумку с продуктами, может быть, срывает с нее берет... И тут появляется неизвестный в черной полумаске. Одним ударом он сокрушает негодяя, возвращает красавице похищенное и произносит всего три слова: «Вы свободны, идите». А потом все ребята во дворе только и

говорят, что о незнакомце в маске, и никому даже в голову не приходит, что отважный незнакомец стоит тут же среди них, что это никто иной, как с виду тихий и скромный Леша Тучков.

Я выпросил у папы черный конверт от фотобумаги, у мамы кусок резинки для трусов и довольно быстро сделал полумаску... Я вышел на улицу. В одном кармане у меня лежал пистолет, в другом – коробочка с пистонами. Маску я аккуратно свернул и держал в руке, чтобы сразу надеть, когда понадобится.

Скоро я понял, как это трудно – найти подходящий случай для разбойничьего подвига, особенно для благородного. На каждом шагу меня окликали знакомые ребята из школы. Затем я попал в район, где по случаю воскресенья было, наоборот, слишком пусто. Я ушел отсюда и очутился на тихой, совсем деревенской улочке с земляными тротуарами. Людей почти не было. И вдруг из калитки, метров за десять от меня, вышел какой-то мальчишка и пошел в том направлении, что и я. Стараясь шагать неслышно, я стал приглядываться к нему. В левой руке он держал белую булку, от которой временами откусывал, в правой – бумажный китайский мячик на тоненькой резинке. Иногда он бросал мячик просто в воздух перед собой и тут же ловил, когда резинка оттягивала его назад; иногда ударял в столб для проводов... Но вот я увидел такую картину: по заостренным концам забора, балансируя словно в цирке, пробиралась рыжая кошка. Почти не целясь, мальчишка попал ей розовым мячиком в голову. Кошка коротко мяукнула и свалилась по ту сторону забора, скребнув когтями по дереву.

«Вот он, Троекуров! – пронеслось у меня в голове. – Негодяй какой: животных мучает!» Сердце у меня заколотилось, я весь напрягся... Я колебался: надевать мне маску или подождать? Мальчишка пульнул мячиком в белого петуха, но тот увернулся. Сердце мое заколотилось еще сильнее, но отнюдь не из-за петуха. Похоже было, все складывалось именно так, как я мечтал: навстречу нам шла девочка. Красавицей она, правда, не была, но дело не в этом: я почему-то был уверен, что мальчишка и ее стукнет своим мячом. Вот тут-то я и совершу свой подвиг! Я торопливо надел маску и сжал кулаки. Мальчишка поравнялся с девочкой и очень точно впел в лоб.

– Дурак ненормальный! – сказала девочка, а проходя мимо меня, добавила: – Нарядились и воображают!

Как видно, она подумала, что мы с мальчишкой за одно. Ничего! Сейчас она поймет свою ошибку. Неслышной рысцой я пустился до-

гонять мальчишку. Но, приблизившись к нему метра на три, снова пошел шагом. Ростом он был только немного выше меня, но уж больно мне не понравилась его спина: широкая с округлыми плечами, которые плотно облегал коричневый свитер.

Я остановился, продолжая смотреть на «Троекурова». И походка его мне не понравилась: он шагал вперевалочку, слегка согнув руки в локтях. Что я с таким делать буду?.. Он, наверное, как треснет!.. А у меня по части драк опыт был не очень богатый: последний раз я дрался во втором классе с некой Инкой Мозоль из-за сломанной авторучки.

Я оглянулся на девочку. Та была уже далеко. Сняв маску, я свернул в переулок и пошел искать более подходящего «Троекурова»...

Вопросы для обсуждения:

1. Чем увлекла Лешу Тучкова повесть Пушкина «Дубровский»? С какого эпизода повесть так захватила читателя, что он не мог от нее оторваться?

2. Как и кого он копировал? Какое отношение к происходящему имела книжная этажерка?

3. Какой благородный разбойничий подвиг он решил совершить? Как он представлял себе спасение красавицы?

4. Почему в качестве негодяя он выбрал Троекурова? Каким он представлял себе образ Троекурова? Кого на место Троекурова он подставлял в реальной жизни?

5. Как разворачивались события? Почему именно толстого мальчишку с мячиком Леша выбрал в качестве Троекурова? Почему, подумав, он отказался от мысли «убивать» этого Троекурова? Какую черту характера он при этом продемонстрировал?

6. Как вы думаете, кто оказался более подходящим для роли Троекурова, с которым Леша легко справился? Чем, по-вашему, закончилась эта игра в благородного разбойника?

7. Справился ли Леша с ролью Дубровского? Каких личных качеств ему для этого не хватило?

8. Приходилось ли вам играть в литературных героев? Расскажите об этой игре.

9. Случалось ли вам с таким же увлечением что-либо читать, как читал Леша Тучков повесть «Дубровский»?

Напоследок для размышления читателя:

Александр Лугарев. «Афродита»

Я не Парис, и я – не Одиссей,
Родители зовут меня Иваном,
Но мир богов и мир простых людей
Сплелись во мне негаданно, неожиданно.
Наташку Белкину назвал я Афродитой.
Она сказала: «Что ж, кури мне фимиам.
И хватит быть ленивым эрудитом,
Списать контрольную я все равно не дам».
Обидно мне немного за себя:
Пусть физик «Зевс» опять поставит пару.
Но Афродитой все равно зову тебя,
А не отличницу и умницу Тамару.
Тамару можно бы Афиной величать,
Пандорой – Светку, Пенкину – Фетидой,
Но Белкину иначе не назвать,
Как только – лучезарной Афродитой*.

О чем говорит это стихотворение? Какое отношение к теме «Чтение» оно имеет? Какую книгу, по-вашему, читал Иван, подсказавшую ему называть одноклассников именами греческих богов? Почему именно Белкину, не давшую ему списать контрольную, он называет Афродитой? Как вы понимаете строки: «Но мир богов и мир простых людей сплелись во мне негаданно, неожиданно»? Бывает ли такое с вами? Можно ли заменить в этой фразе «мир богов» на мир «литературных героев» и ответить на вопрос: зачем люди читают художественную литературу?

**Афродита – богиня красоты и вечной весны; Афина – богиня войны и мудрости; Зевс – верховный бог, повелитель грома и молнии; Пандора – богиня мести; Фетидыда – морская богиня.*

Дополнительная литература по теме:

- Берестов В. «Как хорошо уметь читать»
Тахистова М. «Уроки внеклассного чтения»
Пастернак Б. «Детство Люверс»
Кудрявцева Т. «Пора, мой друг, пора!»
Шукшин В. «Забуксовал»
Мошковский А. «Книга»
Толстой А. «Детство Никиты»
Твардовский А. «Заветная книга»
Махотин С. «Шестиклассник Серафим»
Тарловский М. «Вперед, мушкетеры!»

Заключение

Читателям данного методического пособия была предоставлена возможность познакомиться с несколькими десятками лучших рассказов для детей нравственной проблематики и педагогическими технологиями их обсуждения в детской среде. Перед взором читателя прошли разные жизненные сценарии и модели поведения большого количества литературных героев, изображенных писателями-гуманистами. Каждый рассказ дал открытие новых характеров, неповторимых душевных состояний подростков, определенных решений нравственных коллизий. Совершая в процессе чтения или прослушивания того или иного рассказа экскурс во внутренний мир литературных героев-сверстников, в мотивы их поведения и отношений с другими людьми, углубляя свои впечатления в ходе коллективного обсуждения, читатель формирует свои нравственные позиции, идентифицирует себя с тем или иным персонажем. Чем больше подросток прочитает рассказов о разных жизненных ситуациях и конфликтах, происходящих в детской среде, чем глубже эмоционально включится в способы их разрешения, чем больше в ходе обсуждений откроет новых смыслов в изображенных писателями событиях, тем богаче будет опыт его социального поведения, сопережитый с его литературными сверстниками. В отличие от реального опыта, опыт, приобретенный из литературы, субъективно окрашен гуманным отношением писателя. Подбор рассказов в пособии направлен на поддержку в читателе добрых чувств и добрых поступков, на формирование нравственных координат человеческой жизни. Писатели говорят о нравственных ценностях не назиданиями, а языком образов, который вызывает сопереживание и желание думать самому и делать самостоятельные выводы.

Надо сказать, что разбивка рассказов на разделы – условна. Любой полноценный рассказ, если он о правде жизни, затрагивает разные ракурсы нравственных проблем и может быть рассмотрен с разных сторон. Взять, например, рассказ Валентины Осеевой «Бабка». Он включен в раздел «Совесть, или Суд над собой». Однако его с полным правом можно использовать и в теме «Доброта – счастье сестра». Он подойдет и для разговора о дружбе. Или рассказ Виктора Драгунского «На Садовой большое движение» – разве он только о лжи и обмане? Он и о радости совместного труда, и о счастье жизни, и о доверии. И так каждый рассказ, включенный в пособие, вмещает в себя всю полноту жизни. Каждый из десяти разделов пособия предлагает лишь определенный акцент, взятый для обсуждения. При творческом использовании литературного материала эти акценты по желанию руководителей могут быть изменены в нужном им направлении.

Вопросы к обсуждению сформулированы так, что ни на один вопрос нет готового ответа. Ответы рождаются в суждениях самих читателей. Чем больше субъективно окрашенных суждений проявят читатели, тем интереснее будет обсуждение. В своей совокупности вопросы помогают не только разобраться в проблематике рассказов, но и позволяют многое узнать о нравственном облике самих участников обсуждения. Каждое обсуждение – это своего рода педагогический эксперимент, выявляющий нравственные представления юных читателей, их интересы к решению вопросов морали. Для этой цели в перечень вопросов к тому или иному рассказу введены вопросы личного порядка, такие как «Что для вас означает понятие “честное слово”?», «Как вы преодолеваете страх и мобилизуете себя на решительный поступок?», «Как вы разрешаете ваши конфликты с друзьями?», «Как понимаете слова “сострадание”, “благородство”?», «Случалось ли вам в жизни получать уроки доброты?». Эти и подобные им вопросы многое раскрывают в личности и опыте участников обсуждения. В то же время они опосредованно говорят о реакции ребенка на прочитанный конкретный рассказ.

Особенность предложенных вопросов для обсуждения состоит еще в том, что они нацелены не только на нравственное развитие ребенка, но и на развитие его творческих способностей: воображения, эмоциональных реакций, логического мышления, самосознания и иденти-

фикации себя как личности. Содействуют этому вопросы типа: «Как вы представляете себе дальнейший ход событий рассказа?», «Если бы вы были художниками, какую иллюстрацию к рассказу нарисовали?», «Что вы пережили в процессе чтения рассказа?», «Бывало ли с вами нечто подобное тому, что случилось с героями?», «В ком из литературных героев вы узнали себя?».

Говоря о характере вопросов для обсуждения, надо подчеркнуть, что они не предполагают единственного правильного ответа, ответы носят характер рассуждений читателей, соотнесенных с их системой ценностей и опытом жизни. В ходе обсуждения участники либо вырабатывает свою позицию, либо поддерживают позиции других. Постановка вопросов может варьироваться в ходе обсуждения в зависимости от ответов детей и выходить за рамки предложенного перечня. В этой связи огромную роль играет ведущий обсуждения. Как участник обсуждения он должен быть открыт читателю и откровенен в собственном опыте прочтения рассказа. Однако первенство в обсуждении должно быть отдано детям, только тогда возможна ситуация успеха. Обязанность ведущего – организовать дискуссионное поле вокруг рассказа, включать в разговор «молчунов». Важно помнить, что проблемы литературных героев – это и проблемы самих участников обсуждения. Заканчивая обсуждение, полезно подвести итог и осознать его результаты: какие успехи были достигнуты, какие неудачи или трудности возникли, какие вопросы оказались самыми спорными или самыми интересными, какой нравственный урок вынесли читатели из обсуждения.

Особо хочется обратиться к родителям, тем из них, кто в силу беспокойности за своих детей проявит интерес к данному пособию. Чтение и разговор вокруг прочитанного материала – это эмоциональная привязка членов семьи друг к другу. Как подсчитали социологи, в 70-х годах прошлого века 70% родителей регулярно читали своим детям книги, а нынче эта цифра снизилась в 10 раз. Усадив детей за компьютер, родители лишились возможности душевного общения с ними. Родитель часто не знает, о чем думает его ребенок, какие жизненные «уроки» выносит из Интернета. А дети, в свою очередь, испытывают дефицит родительского тепла и отзывчивости. Чтобы понять своего ребенка, а ему понять самого себя и вас, стоит прочитать ему

любой рассказ вслух (это отнимет времени не более 15 минут) и поговорить с ним в свободной манере о том, что прочитали.

Преднамеренный акт воспитания подросток не приемлет. А принять участие в обсуждении поведения других, придуманных писателями сверстников, охотно согласится. На самого себя он выйдет без принуждения взрослого. Чем более детально вы обсудите вместе с ребенком поведение литературных героев, проявленное в той или иной жизненной ситуации, тем больше гарантия, что ваш сын или дочь задумается о собственном поведении. Чтобы узнать характер взаимоотношений читателя с реальными сверстниками, полезно прочитать рассказы из раздела «Дружба истинная и ложная» и по реакции подростка догадаться, на чем строится его связь с приятелями, не получает ли он от них дурных влияний и каковы его собственные установки по отношению к друзьям. Так и в отношении других нравственных категорий – совести, смелости, честности, правды и лжи – вы лучше узнаете сильные и слабые стороны своего ребенка, если используете на эти темы соответствующие рассказы. Совместное чтение и обсуждение прочитанного будет лучшей профилактикой так называемой «негативной ситуационно-личностной реакции» подростка, толкающей его к алкоголизму, наркомании, к мыслям о суициде. Чтобы предотвратить негативные реакции детей на жизненные невзгоды, стоит прислушаться к совету, который дал родителям Виктор Петрович Острогорский, педагог, литератор, общественный деятель, редактор журнала «Детское чтение»: «Побуждать детей радоваться радостям героев изучаемых книг, скорбеть их печалью, ужасаться преступлениям, негодовать и смеяться над пороками и заблуждениями, восторгаться высокими поступками вымышленных героев».

Что касается учителей, то им придется на время проведения громких чтений и обсуждений рассказов позабыть о методике преподавания литературы, которая, как показывают опыт и исследования, не вызывает интереса у школьников. Не анализ текста рассказов или поиски их стилистических особенностей, не пересказ прочитанного должен быть поставлен во главу угла методики обсуждения, а проблемные, жизненно значимые вопросы, дающие свободу мыслям, чувствам, образам детей, вызывающие к их ответной реакции на мысли, чувства, образы, поведение персонажей, к резонансу с авторским отношени-

ем к жизни. Обсуждение литературного произведения строится на субъект-субъектных отношениях учителя с детьми, где главная роль в разговоре принадлежит не учителю, а детям. Все, что на уроке литературного чтения игнорируется – собственное мнение ребенка, открытие им личностного смысла в прочитанном материале, создание продуктов фантазии как особого вида читательской деятельности – в ходе обсуждения должно поддерживаться, поощряться, высоко цениться. Только это гарантирует активность детей и их интерес к происходящему событию, называемому обсуждением.

Своим коллегам-библиотекарям хочется сказать, что путем возрождения у детей интереса к жанру рассказа мы возродим интерес к библиотеке. Настала пора вытащить сборники рассказов из запасников и начать с ними активно работать. Начнем увлекать нечитающее поколение малыми дозами литературы. Будем действовать так, как подсказывал великий библиотековед и популяризатор чтения Николай Александрович Рубакин: «Не следует забывать: всякая книжка маленькая – это лишь подход и приманка к большой. Маленькая лишь завлекает, а большая углубляет». На малом материале рассказа библиотекарь предстоит учить постигать чужое пространство произведения как свое, входящее в его жизнь, пробуждающее тревогу сердца и искания собственной мысли, влияющее на его понимание языка искусства, тренирующее на проявление доброго отношения к людям. Библиотекарь не включен в рыночные отношения и потому бескорыстен в своем общении с читателем. Над ним не тяготеет ни Стандарт, ни ЕГЭ, он не ставит ребенку за участие в разговоре оценки и не стиснут в диалоге никакими предписаниями свыше, полностью полагаясь на творчество ребенка и его интерес. Открытость, импровизация, отсутствие заданности – привлекательная черта библиотечного общения, особенность его профессионального стиля. Поддерживая интерес к обсуждению рассказов, библиотекарь поддерживает интерес подростка к собственной жизни и к самому себе как личности. Не случайно мы часто слышим от детей: «Читала и узнавала себя», «Мне тоже приходят такие мысли, как герою рассказа», «И со мной такое случается». Возможность свободно общаться о проблемах жизни, как реальной, так и отраженной в литературе, таит в себе огромные возможности привлечения читателей-детей в библиотеку.

Независимо от того, у кого в руках окажется данное пособие и кто станет им пользоваться: родитель, учитель, или библиотекарь, – важно помнить, что заразить любовью к литературе, разбудить мысль и чувства читателя, реализовать его творческий потенциал сможет только тот, кто сам учится читать и передавать свое умение детям. Воспитание ребенка средствами литературных произведений – это решение нестандартных задач, выходящих за рамки простейших технологий и требующих от взрослого носителя культуры творческого подхода и лично заинтересованного участия.

Важным условием благотворного влияния книги на душу ребенка является качество читаемого и обсуждаемого произведения. Для выработки в читателе нравственных убеждений нужна подборка детских книг определенной направленности и художественного совершенства. Из последних изданий, в которых сделана подборка книг о проблемах детства по тематическому признаку, назовем пособие И.Н. Тимофеевой «Дети. Время. Книга» (2009), Т.И. Михалевой «Современный подросток в современном мире» (2007), ее же подборка книг, посвященных взаимоотношениям с родителями, «Дети и родители» («Школьная библиотека – территория детства». 2011. С. 294 – 338), М. Костюхиной «Детская литература о проблемах детства» (2003).

Не менее важное условие, обеспечивающее успех совместного чтения и обсуждения литературного произведения, кроется в самом читателе и зависит от его способностей воспринимать художественный текст. А это значит:

– Что читатель силой воображения способен в процессе чтения «оживлять» персонажей и относиться к ним как к реально существующим лицам.

– Что читаемое произведение вызывает в нем душевный отклик и сопереживание с судьбой героев.

– Что подросток через чтение обретает возможность осознать свои собственные переживания или отдельные его аспекты.

– Что произведение помогает читателю увидеть разные модели поведения людей в ситуации, сходной с той, в какой очутился читатель, и найти в ситуации новые смыслы.

– Что ребенок в момент чтения проявит способность выйти за рам-

ки внешних аналогий и осознать глубинные, затрагивающие жизненные смыслы.

– Что в процессе чтения или в результате его у ребенка происходит смена эгоистических установок и открытие ценности других, духовно родственных ему людей.

Главным условием является опора на творческий потенциал читающего подростка, на его способность перейти от репродуктивной деятельности к продуктивной (творческой), от пассивной позиции к активной. Только в этом случае художественное произведение становится способным предупредить деструктивное поведение, сформировать гуманное отношение к людям. Размышление читателя о конкретном произведении активизируется обычно умелой постановкой вопросов со стороны взрослого. Вопросы касаются как самих произведений, поведения и состояния персонажей, так и реальных жизненных ситуаций. Разговор о книге или отдельной ее части сливается воедино с разговором о жизни и самих читателей. Обсуждение книги устремляется то в глубину произведения, то выныривает на поверхность, к жизненным реалиям. Аспектами рассмотрения могут быть дилеммы: добро – зло, правда и ложь, толерантность и нетерпимость, верность и предательство, милосердие и жестокость, гуманность и бесчеловечность и многие другие, от решения которых зависит жизнь каждого человека, его личный успех и общественное признание. Эти аспекты и ложатся в основу вопросов для обсуждения, придают разговору глубину, жизненную значимость детального рассмотрения в человеке явного и скрытого, подлинного и мнимого.

Каждая полноценная в художественном отношении книга – это кусок жизни, она зовет ребенка из ограниченной рамками собственной жизни к новому, еще не испытанному опыту. Она открывает возможность пережить непережитое, занять собственную позицию, сделать выбор, принять решение. Через эмоции, через возбуждение собственной мысли, через включенность в чужую жизнь, раскрытую писателем в ракурсе гуманистических идеалов, чтение формирует шкалу ценностей, помогает читателю идентифицировать себя с определенной личностью или группой людей, создает установку на определенный тип человеческих отношений.

Благодаря нелогическим элементам, присущим искусству, литература способна внешние социальные нормы превращать в регуляторы поведения, закрепляться в сердце, действовать как безусловный императив. *«Любое произведение искусства, – писал известный отечественный психолог Б.М. Теплов, – тогда может быть воспитательно ценным, когда оно заставляет ребенка внутренне стать на определенную позицию, начать “жить” в этой ситуации и смотреть на мир, на людские отношения с той точки зрения, к которой вынуждает эта позиция».* Побудить юного читателя к такому восприятию литературы и призван разговор взрослого с ребенком как естественное продолжение их совместного чтения. На этот эффект и рассчитано методическое пособие «Добру откроем сердце».

Завершить заключительный текст мне хочется притчей о двух волках:

«Когда-то давно старый индеец открыл своему внуку одну жизненную истину. В каждом человеке идет борьба, очень похожая на борьбу двух волков. Один волк представляет зло – зависть, ревность, сожаление, эгоизм, амбиции, ложь... Другой волк представляет добро – мир, любовь, надежду, истину, доброту, верность... Маленький индеец задумался, а потом спросил:

– А какой волк в конце побеждает?

Старый индеец заметно улыбнулся и ответил:

– Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь».

«Кормя» хорошей литературой и ее обсуждениями ум и сердце ребенка, будем надеяться, что добрый волк победит.

Указатель авторов и названий рассказов для обсуждения

1. Алексин А. «Третий в пятом ряду» / 61
2. Астафьев В. «Зачем я убил коростеля?» / 20
3. Астафьев В. «Конь с розовой гривой» / 228
4. Бахревский В. «Государственный человек» / 176
5. Бреженер М. «Достойнейший» / 73
6. Бреженер М. «Лешкина переэкзаменовка» / 111
7. Васильева Н. «Полынья» / 45
8. Внуков Н. «Новенький» / 98
9. Внуков Н. «Чудеса» / 253
10. Вольф С. «Подарочек» / 39
11. Голявкин В. «Совесть» / 15
12. Драбкина А. «Волшебные яблоки» / 191
13. Драбкина А. «Исключительный человек» / 84
14. Драгунский В. «Друг детства» / 249
15. Драгунский В. «На Садовой большое движение» / 127
16. Драгунский В. «Пожар во флигеле, или Подвиг во льдах» / 146
17. Драгунский В. «Рабочие дробят камень» / 160
18. Драгунский В. «Сестра моя, Ксения» / 302
19. Драгунский В. «Синий кинжал» / 245
20. Драгунский В. «Тиха украинская ночь» / 316
21. Железников В. «Голубая Катя» / 234
22. Злотников В. «Записки» / 152
23. Ибрагимбеков М. «Прощай, “Миледи”!» / 205
24. Искандер Ф. «Чик и Пушкин» / 312
25. Кудрявцева Т. «Принц и нищий» / 282
26. Кудрявцева Т. «Размышляй, Фроликов!» / 286
27. Лугарев А. «Афродита» / 331
28. Масс А. «Дик Сенд» / 321
29. Мошковский В. «Вызов на дуэль» / 171
30. Нагибин Ю. «Заброшенная дорога» / 175
31. Нагибин Ю. «Мой первый друг, мой друг бесценный!» / 267
32. Нагибин Ю. «Старая черепаха» / 28
33. Нагибин Ю. «Эхо» / 197
34. Носов Н. «Карасик» / 135
35. Носов Н. «Фантазеры» / 141
36. Осеева В. «Бабка» / 23
37. Пантелеев Л. «Честное слово» / 165

38. Перехвальская Е. «Сострадание к Швабрину» / 324
39. Пивоварова И. «Весенний дождь» / 277
40. Пивоварова И. «Про мою подругу и немножко про меня» / 274
41. Пивоварова И. «Селиверстов не парень, а золото» / 80
42. Погодин Р. «Жаба» / 223
43. Погодин Р. «Как я с ним познакомился» / 156
44. Погодин Р. «Сима из четвертого номера» / 53
45. Погодин Р. «Что у Сеньки было» / 296
46. Погодин Р. «Шутка» / 92
47. Приставкин А. «Фотографии» / 307
48. Солоухин В. «Мститель» / 241
49. Солоухин В. «Ножичек с костяной ручкой» / 34
50. Сотник Ю. «Ищу Троекурова» / 327
51. Суслов В. «Наташка стала красивой» / 217
52. Токарева В. «Самый счастливый день» / 291
53. Томин Ю. «Счастливый день» / 260
54. Томин Ю. «Шутка» / 103
55. Яковлев Ю. «А Воробьев стекло не выбивал» / 121
56. Яковлев Ю. «Багульник» / 67
57. Яковлев Ю. «Игра в красавицу» / 212

В ПОМОЩЬ ПЕДАГОГУ-БИБЛИОТЕКАРЮ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНОГО БИБЛИОТЕКАРЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Серия 1
Выпуск 3

Русская школьная библиотечная ассоциация

Ираида Ивановна Тихомирова

Добру откроем сердце: школа развивающего чтения (читаем, размышляем, выражаем в слове)

Методическое пособие для руководителей детского чтения, снабженное текстами литературных произведений для обсуждения с подростками

Формат 60х90/16. Объем 29 печ. л.

Тираж 2000 экз.

Адрес для писем:

119017 Москва, Б. Толмачевский пер., д. 3, к. 29

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии ОАО «Альянс «Югполиграфиздат», ВПК «Офсет» 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 26-60-10, 97-48-21, 97-49-40.